

P. C. rel.

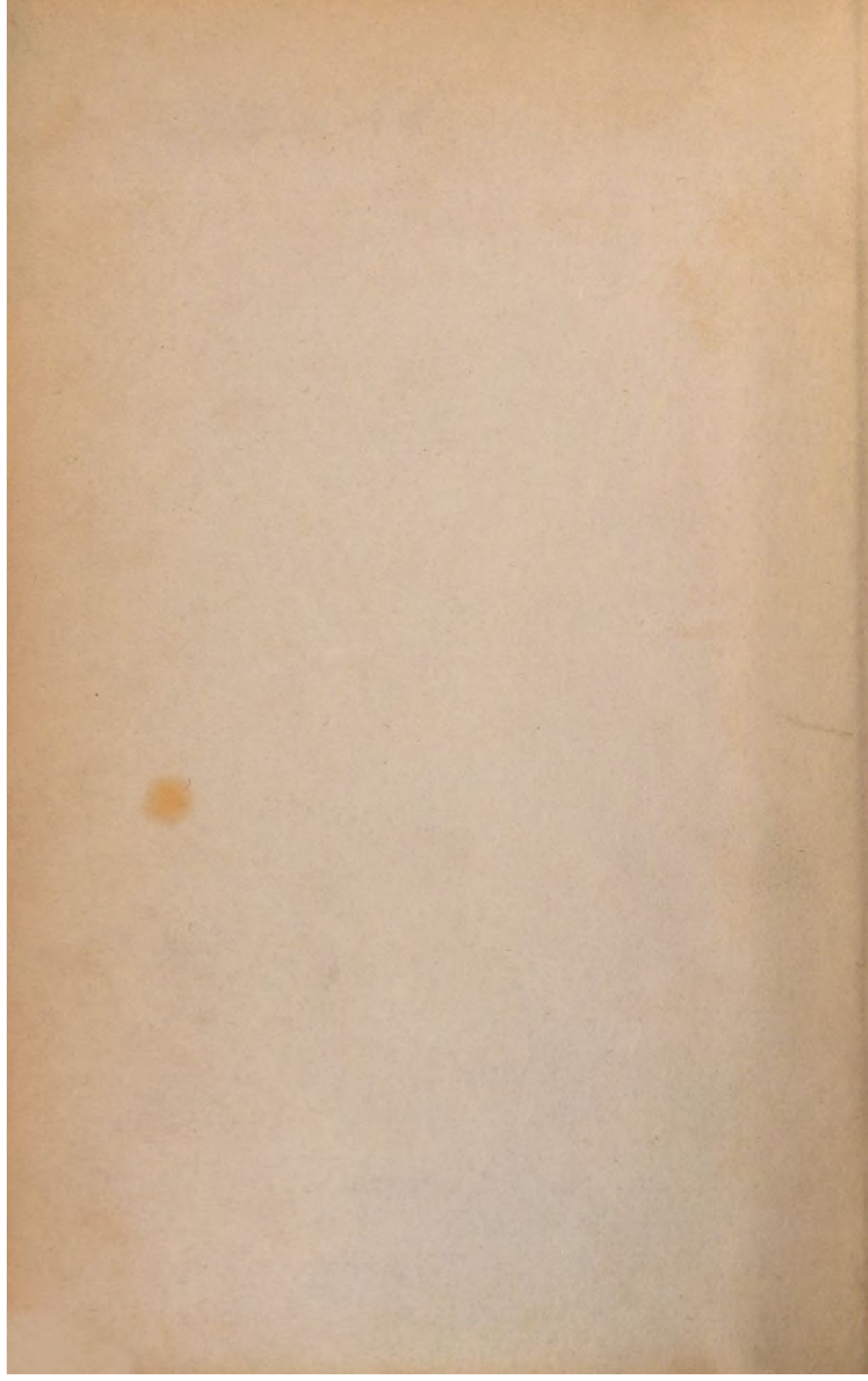
2910.

ab
ti

P. o. rel.

Biblioteka

2910 - 11

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ТОМЪ ХІ.

СТИХИ

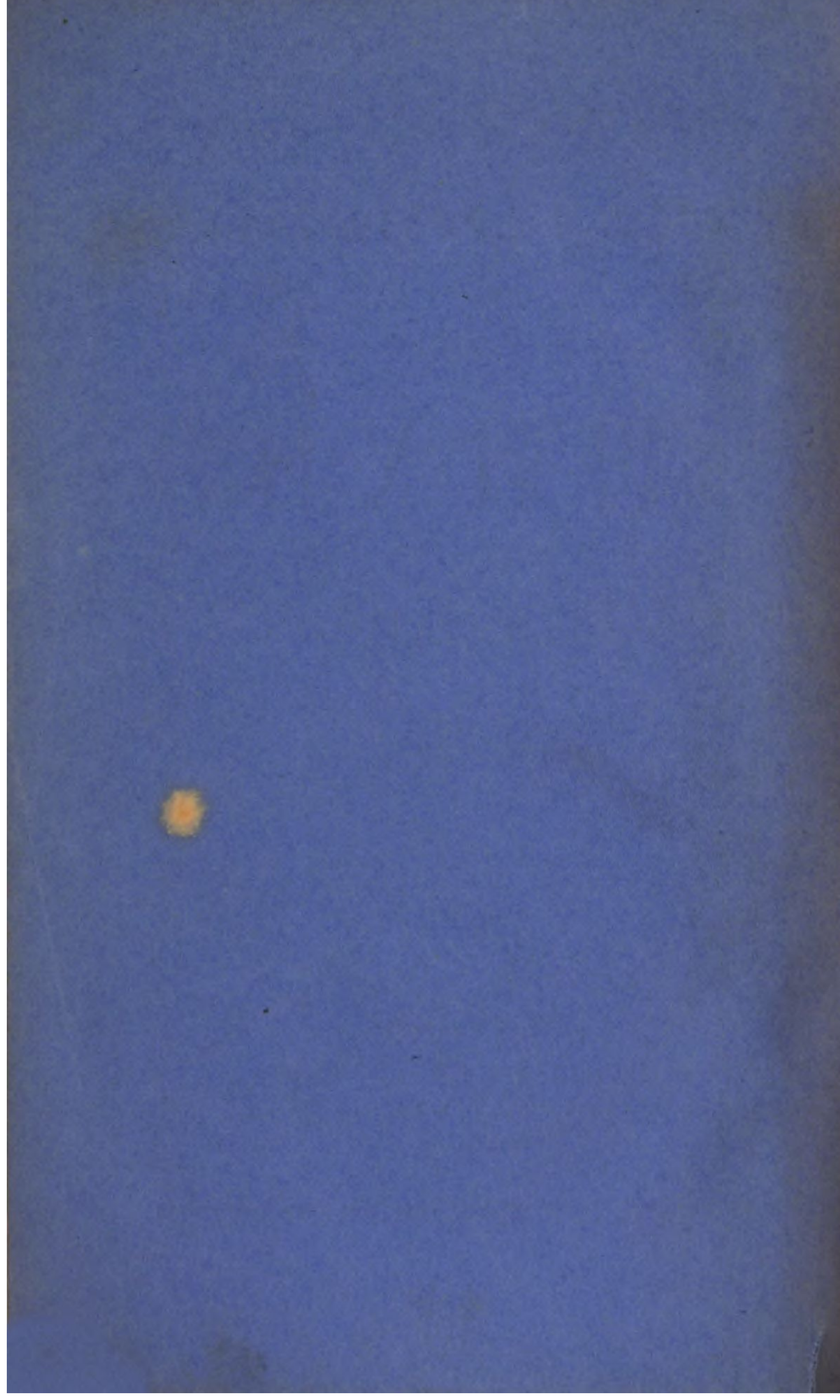
СП.....АГО

И

П. П.

Gedichte von Sp.....i und P. P.

ЛЕЙПЦИГЪ, LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. Wolfgang Gerhard.
1860.

С Т И Х И

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

СП.....АГО

и

П. П.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

1860.

N X N T O

OIA.....HO

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN

1881

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Тогда какъ въ цѣлой Европѣ, всякій, кто только чувствуетъ себя способнымъ, спѣшитъ подѣлиться вѣрованіями съ обществомъ и провѣрить свои дарованія на пробномъ камнѣ общественнаго приговора, сколько есть въ Россіи такихъ, которые, „тая въ груди завѣтныя мечтанья“, не рѣшаются подѣлиться съ братьями тѣмъ, чѣмъ полна душа ихъ....

Но время пришло.... въ настоящую минуту „всякое даяніе благо“,...

Нами издаваемые творенія будутъ служить повѣркою общественнаго участія къ возражающемуся Русскому слову, — вдали отъ вліянія Русской журналистики и цензурной рамки, равно какъ и отъ абсолютно-соціальнаго направленія Лондонской книгопечатни.

Творенія эти предаемъ суду Русской, путешествующей за границей, публики, какъ самостоятельное явленіе. Изданіе ихъ отчасти вызвано готовностію иностранныхъ книгопродавцевъ печатать Русскія книги. Мы будемъ рады, если спекулація для Нѣмцевъ будетъ выгодна, а для Русскихъ пріятна, ... это поощритъ ихъ продолжать, ... грустно только что необходимо прибѣгать къ первымъ, чтобы высказываться передъ вторыми.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
СТИХИ СП.....АГО.	
Призваніе Поэта	1
Мойсей	2
Ехеunt omnes	4
Паденіе Севастополя	6
Тоска по родинѣ	8
Дворянинъ — Баринъ	10
Послѣ разговора	13
Новая Порода	16
СТИХИ П. П.	
Къ аристократамъ-помѣщикамъ по случаю крестьян- скаго вопроса	19
Къ Народамъ	24
Уединеніе	26
Посвящается Н. Е. Д.	29
Посвящается Е. П. К.	34
Къ...	46
Отрывокъ изъ безименной повѣсти	49
Отрывокъ изъ поэмы „Балъ“	51
Что буду дѣлать я	55
Воспоминаніе (Кіевъ)	57
Басня	60
Къ Е. П.	64
Къ В... Е...	67
Отрывки изъ эпико-сатирической поэмы Л.... . . .	69

1. Введение
 2. История
 3. Описание
 4. Заключение

1	Введение
2	История
3	Описание
4	Заключение
5	Приложение
6	Список литературы
7	Таблица
8	График
9	Схема
10	Фотографии
11	Выводы

12	Список литературы
13	Таблица
14	График
15	Схема
16	Фотографии
17	Выводы
18	Приложение
19	Список литературы
20	Таблица
21	График
22	Схема
23	Фотографии
24	Выводы
25	Приложение
26	Список литературы
27	Таблица
28	График
29	Схема
30	Фотографии
31	Выводы
32	Приложение
33	Список литературы
34	Таблица
35	График
36	Схема
37	Фотографии
38	Выводы
39	Приложение
40	Список литературы
41	Таблица
42	График
43	Схема
44	Фотографии
45	Выводы
46	Приложение
47	Список литературы
48	Таблица
49	График
50	Схема
51	Фотографии
52	Выводы
53	Приложение
54	Список литературы
55	Таблица
56	График
57	Схема
58	Фотографии
59	Выводы
60	Приложение
61	Список литературы
62	Таблица
63	График
64	Схема
65	Фотографии
66	Выводы
67	Приложение
68	Список литературы
69	Таблица
70	График
71	Схема
72	Фотографии
73	Выводы
74	Приложение
75	Список литературы
76	Таблица
77	График
78	Схема
79	Фотографии
80	Выводы
81	Приложение
82	Список литературы
83	Таблица
84	График
85	Схема
86	Фотографии
87	Выводы
88	Приложение
89	Список литературы
90	Таблица
91	График
92	Схема
93	Фотографии
94	Выводы
95	Приложение
96	Список литературы
97	Таблица
98	График
99	Схема
100	Фотографии

Признание поэта

СТИХИ

СП.....АГО.

1867

ИХНТЭ

ОТ.....ИЗ

Призваніе Поэта.

Печаленъ тотъ пѣвецъ унылый
Чью лиру скорбь лишъ вдохновитъ
Въ комъ пѣнья творческая сила
Однимъ страданіемъ звучитъ.
Безплодны — жалобы поэта,
Постыденъ мелкой грусти звукъ —
Зачѣмъ на судъ пустаго свѣта
Кидать рассказъ душевныхъ мукъ?
Пусть вѣщій голосъ вдохновенья
Цѣлебной лется имъ струей,
И тайной силой пѣснопѣнья
Животворитъ сердца людей!
Да міръ въ тебѣ уразумѣтъ
Души величіе, поэтъ!
Ты мученикъ..... и не довлѣетъ
Тебѣ роптать въ юдоли бѣдъ!
Стой крѣпко — тщетно рокъ суровый
Твой Геній будетъ унижать
Терпи, неси вѣнецъ терновый
Чтобъ Лавръ безсмертія стяжать!

Сентября 1857.

Мойсей.

Когда въ степяхъ Аравіи пустынной
Евреевъ племена скитались сорокъ лѣтъ
И въ ночь ихъ вереницы длинной
Предшествовалъ небесный свѣтъ....

Изнеможенные скитальцы зароптали;
Къ пророку своему съ угрозою пришли,
Палимы жаждою, родникъ они искали,
Но водъ въ пустынѣ не нашли.
И движимъ вѣрою въ святое Провидѣнья
Возсталъ предъ ними Мойсей,

Онъ, необузданныхъ рѣчей
Прервалъ грѣховное смятенья:
Онъ рекъ тогда: „Господней силы“
„Я тщетно никогда еще не призывалъ“
„Богъ спасъ меня въ потокѣ Нила“
„Купины огонь меня не сожигалъ!“

И вотъ,.... исполненъ силой вѣры
Скалу безплодную ударилъ онъ жезломъ...

Свершилось чудо безъ примѣра
И камень... закипѣлъ ключемъ!

Но кто пророкъ тотъ вдохновенный,
Чтобы ключи живые открывать
Въ сердцахъ толпы бездушнѣй, но надмѣннѣй
И низвести на нихъ святую благодать?
Чтобъ искру пробудить любви на подвигъ блага
И себялюбія гранитную скалу
Низринуть, кто имѣлъ отвагу
Презрѣвъ и зависть и хулу?
Нѣтъ! чуду дважды не свершится —
Въ пустынѣ міра Богъ молчитъ.
Пѣвецъ безсиленъ — не смягчится
Сердце безчувственный гранитъ!

Августа 1857.

Exeunt omnes!

Не плачь, не плачь, о Русь родная
О милыхъ двухъ твоихъ сынахъ!
Такъ видно хочетъ власть святая,
Чтобъ жизнь ихъ... сгнула какъ прахъ!
О Пушкинъ, Лермонтовъ! на то ли
Мгновенно геній вашъ блеснулъ,
Чтобъ жертвой пастъ враждебной доли?...
Звѣздой падучей онъ сверкнулъ....
Сверкнулъ.... и озарилъ лучами
Туманный русскій небосклонъ —
Въ пустынь пѣсни ихъ звучали
И стихли какъ вечерній звонъ!
Рабовъ и слугъ, толпа слѣпая
Поэтовъ не могла цѣнить
Правдивый гласъ ихъ осуждая
Позоромъ стала ихъ клеймить!
Они исчезли..... одинокій,
Народный геній нашъ стоитъ

Какъ странникъ, онъ въ степи широкой
Себѣ пристанища не зритъ.

Ни въ скромной хижинѣ селеній

Ни въ пышной роскоши дворцовъ

Онъ не встрѣчаетъ вдохновеній,

Родныхъ не слышитъ голосовъ.

А если гдѣ и слышно пѣнье

Какъ тихій говоръ ручейка

Безъ пищи.... гибнетъ вдохновенье

Какъ въ снѣгѣ искра огонька!

Февраля 1850.

Паденіе Севастополя.

Какъ плакалъ древлѣ Іеремія
Надъ плѣномъ родины своей,
Такъ плачетъ сынъ твой, мать Россія
О гибели твоихъ дѣтей!
Борьбы безплодной и безумной
Свидѣтель до сихъ поръ нѣмой
Я заглушалъ въ бесѣдѣ шумной
Упрекъ души моей больной!
Да, плачь и горе между нами
Насъ врагъ унизилъ, сокрушилъ
Въ крови умытыми руками
Могучій городъ разорилъ!
Онъ палъ..... напрасны оправданья.....
Незнали мы его сберечь
И средь кровавыхъ, долгихъ сѣчь
Тоскливо ждали окончанья.....
Онъ палъ..... но кровь лилась рѣкою
Враги взойдя, изнемогли

И ослабленною рукою
Его обломки стерегли!

Смиритесь, гордые владыки,
Судебъ людскихъ властители
Гдѣ ваша власть, чтобъ смолкли клики
И чтобъ кровавый пиръ затихъ?
Зажженъ ошибкой величавой
Войны злой факелъ и горитъ;
Раздоръ вспылалъ.... и не залитъ
Еще досель рѣкой кровавой!
Отчизны свѣтлая звѣзда
Средь бурь и страха помрачилась,
Подъ игомъ божьяго суда
Россія бѣдная склонилась!
Покорно манію Царя
Сыновъ на жертву обрекаетъ.....
Потомъ.... подетъ у алтаря
И къ Богу длани воздѣваетъ.
Утѣшься, горестная мать;
Вѣрь, Богу жертвы тѣ угодны.....
Кто такъ, какъ ты, умѣлъ страдать
Того молитвы не безплодны!

Сентября 1855.

Тоска по родинѣ.

Городъ роскоши и шума
Суеты, молвы, баловъ
Гдѣ одна „Градская дума“
Выше каменныхъ дворцовъ,
Гдѣ всѣ весело скучаютъ,
И всегда чего то ждуть,
Служать, пляшуть иль гуляютъ....
Но житье свое клянуть!
Петра перваго „окошко“
Съ толстой рамою двойной,
Западъ видѣнъ тамъ немножко —
А Востокъ весь за стѣной.
Коло Зима.... окошко стынетъ
Видъ въ Нѣметчину, закрытъ,
Осенью — волна нахложетъ,
Лѣтомъ изъ окна сквозитъ!
А Европа — словно нищій
Не отходитъ отъ окна,

Хоть родос За копѣйкой или пищей
 Но похваста Лезетъ въ форточку она
 Иные въ 3 И хоть много тамъ народу
 Въ своемъ Но — не стерпитъ ни одинъ....
 И выскочитъ Изъ окошка — прямо въ воду
 Облагоро И отправиться въ Штеттинъ!

Октября 1856.

Дворянинъ — Баринъ.

Писать задумавъ про дворянство
Я риѹму къ слову сталъ искать —
И чтожъ... нашлось лишь чванство, пьянство,
Ну что прикажите сказать?
Когда жъ прибѣгнешь къ корнесловью
Не годенъ корень ни одинъ —
Ужель изъ одного отродья
Дворецкій, дворникъ, дворянинъ?
Зачѣмъ дворняшками зовутся
Тѣ псы, что лаютъ изъ воротъ?
За кость между собой дерутся —
Ужель онѣ дворянскій родъ?
Два слова „дворянинъ“ — „придворный“
Увы! слилися въ словѣ „Чинъ!“
И значить тоже — шутъ проворный
Тотъ, кто придворный дворянинъ?
Дворяне на Руси бываютъ
Одни лишь тѣ, что при Дворѣ,

Хоть родословной ихъ не знаютъ
 Но помѣстятъ въ календарѣ.
 Иные въ Знать попасть старались
 Въ своемъ дворянствѣ зря изыянь
 И выскочки въ число попались
 Облагороженныхъ дворянъ!

Но есть еще названье.... баринъ
 И душъ владѣлецъ столбовой,
 Его права скрѣпилъ Татаринъ
 Съ ордой пришедши золотой.
 И развилось въ Россіи барство
 На зло народу и земли,
 Наслѣдство гнуснаго мытарства,
 Въ степной разцвѣтшее, пыли.
 Второго ига тяготѣна
 Тогда почувствовалъ народъ
 И тащутъ баре къ просвѣщенью
 Россію... задомъ на передъ!
 Въ столицѣ.... барство умолкаетъ,
 Тамъ всякъ — „служащій дворянинъ“
 Въ деревнѣ рѣдко онъ бываетъ
 И барство..... промѣнялъ на чинъ!
 Но съ честолюбіемъ кто не знался
 Въ деревнѣ бариномъ живетъ
 А чтобъ мужикъ не забывался

Его онъ отчески гнететъ.
 Дворянство — въ службѣ богатѣетъ;
 А барству — нищенскій удѣлъ —
 Но странно — взяточникъ худѣетъ
 Помѣщикъ.... смотришь, разтолстѣлъ!

Доколь боярина значенье
 Мы не способны понимать
 Дворянство — титуль униженья
 А барство — варварства печать!

Августа 1857.

Послѣ разговора

Посвящено Ю. П. Л.

Странная вещь, человѣка душа!
 Часто, не стоитъ она ни гроша —
 Часто, въ ней дивныя силы проснутся
 Словно орлы, мысли въ ней встрепенутся!
 Или.... въ ней чувства какъ струны звучать,
 Чуть лишь коснешься... онѣ ужъ дрожать!
 Лишь я поплылъ по житейскому морю
 Много извѣдалъ печали и горя,
 Много отрадныхъ души убѣжденій
 Сильныхъ порывовъ, любви проявленій
 Грусть и забота въ душѣ отравили
 Думой печальною ихъ замѣнили.
 А какъ изгладило время печаль
 Стало души мнѣ скорбѣющей жаль,
 Стало мнѣ жаль, молодого стремленья
 Перваго, въ любящемъ сердцѣ, бѣенья!
 Какъ я ни чутко съ тѣхъ поръ не внималъ,
 Долго въ душѣ этотъ звукъ не звучалъ!

Жилъ я умомъ и благимъ поминаньемъ
 Жилъ честолюбьемъ, заботой, сраданьемъ.....
 Но, словно кладъ затаенный въ земли
 Замерли въ сердцѣ всѣ чувства мои.

Разъ..... (знать такое пришло настроенье)
 Словно почуялъ я мигъ пробужденья
 Снова услышалъ я звуки родные
 Снова, какъ пташки, мечты золотыя
 Мимо души пробужденной промчались
 Роемъ блестящимъ.....
 тогда мы разстались.
 Долго въ душѣ я носилъ впечатлѣнье,
 Только меня волновало сомнѣнье:
 Сладко души..... увлеченью предаться.....
 Горько..... увлекшись... разочароваться!
 Часто, болтаезъ съ улыбкой въ Ворѣ
 А на душѣ зарождается горе
 Можетъ быть сердце поймутъ и оцѣнятъ...
 Ну, и какъ снова, какъ преждѣ, щмѣнять? —
 Тамъ, гдѣ невольно мечтаешь о счастья
 Только найдешь сожалѣнье, участие....
 Сердце тогда, занывая, смириться
 Трудно, больному, съ мечтой разпроститься!

Если же чувство, съ другимъ повстрѣчалось
 Новою жизнью душа возрождалась
 Чище, сильнѣе въ ней пламень священный
 Къ небу воспрянуть струей вдохновенной
 Въ ней совершится процессъ обновленья
 Вся въ упованьи.... ни капли сомнѣнья!
 Міръ ей привѣтенъ... всѣ люди ей братья. —
 Всѣмъ распростерты любви объятъ,
 Трудъ и борьба на житейскомъ пути
 Ей не страшны, и до цѣли дойти
 Съ чувствомъ, которое такъ глубоко
 Будетъ цѣлбно, отрадно, легко!

Странная вещь, человѣка душа!
 Какъ она съ чувствомъ такимъ хороша.

Генваря 1856.

Новая Порода.

(отрывокъ.)

Когда судьбы его свершались
И кровь лилась послѣднихъ дней,
Его защитинки казались
Породой новою людей!
Они — какъ жертва искупленья
На судъ Исторіи пошли,
Примѣръ величья и смиренья
Осуществляя на земли.
Подъ мракомъ старыхъ заблужденій
Россіи гаснула звѣзда,
Поникъ главой народный Геній
И въ страхѣ средъ безплодныхъ преній
Ждало отечество..... тогда
Они явились..... грудой стали;
Сразились тщетно..... славно пали;
Но въ этой яростной борьбы
Свершится не дали судьбы
И вѣру въ Промыслъ отстояли!

Мартъ 1856.

Къ аристократамъ-попавшимъ, по случаю
крестьянскаго вопроса.

СТИХИ

II. II.

Въ Москвѣ — Его родимый колыбель,
Гдѣ жъ Острогу святые Анны и Спаса
И прелесть въ испитомъ тестѣ,
Давноловле и вѣра въ Бога,
Тамъ Отецъ, какъ изъавданны пророкъ,
Вспраше жмыль свою зарекъ.

Въ деревнѣ, тамъ нѣтъ ни дѣла,
И пылкая жажда въ томъ,
Твоемъ родимъ дарована была свобода,
Въ нѣмелодъ вѣжнѣ зѣ устны вѣнчаны,
Роднѣ, признанъ, я ожидаю, что долгъ смѣнѣ.

ИХИТЭ

И. И.

Къ аристократамъ-помѣщикамъ, по случаю крестьянскаго вопроса.

Для жизни новой Русскаго народа,
По голосу могучаго Царя,
Взошла полночная заря,
И засіяла радужно свобода.

Въ Москвѣ — Его родимой колыбели,
Гдѣ къ Отроку святыя Ангелы слетѣли
И принесли изъ вышняго чертога
Благословленіе и милость Бога,
Тамъ Онъ, какъ избранный пророкъ,
Впервые мысль свою изрѣкъ:

„Вы помните, тому назадъ два года,
„Я высказалъ желаніе о томъ,
„Чтобы людямъ дарована была свобода
„И измѣненъ законъ въ уставѣ крѣпостномъ.
„Вамъ признаюсь, я ожидалъ, что долгъ святой

„Вы первые окажете странѣ родной.
 „Къ прискорбію мой гласъ былъ какъ въ пустынѣ,
 „И вы не поняли меня донынѣ.
 „Въ Москвѣ родился я, люблю родную,
 „Какъ прежде я всегда её любилъ,
 „И мысль святую и благую
 „Москвѣ впервые я открылъ.
 „Вы понимаете-ли смыслъ ея,
 „Что блага и добра народу жажду я....“

Такъ говорилъ восторженный Монархъ,
 Гармоніею рѣчь звучала на устахъ,
 И сердце чистое въ порывѣ благородномъ
 Въ нёмъ билось живѣй о счастья народномъ.

Внимаете-ли голосу Его
 О преслаутые отечества сыны?
 Ужель для счастья родной страны
 Не принесёте въ жертву ничего?
 Для Азіатскаго разврата,
 Подсбно праотцамъ своимъ,
 Ужель желаете держать въ цѣпяхъ собрата,
 Гордясь наслѣдствомъ родовымъ?
 Подъ ледяной таилася корой
 Жизнь предковъ вашихъ, славная лишь барствомъ,
 И чѣмъ прославились сыны земли родной? —

Однимъ невѣжествомъ, да низкимъ рабствомъ!
 И гнули головы вожди народа,
 И униженные челомъ Татарамъ били,
 И раболѣпствомъ только жили,
 И тяжка имъ была народная свобода.
 Какъ Божія гроза явился Петръ,
 Чтобъ разорвать ума оцѣпенье,
 И пробудить усыпленный народъ
 Подъ бременемъ жестокаго мученья.
 Но что жъ они? — гордились спѣсью барской,
 Съ надменностью и гордостью Татарской,
 Подъ блескомъ Европейскаго убранства,
 Скрывали низкое коварство!...

Давно-ли Вы мѣняли слугъ несчастныхъ,
 Послушно-ревностныхъ своихъ рабовъ,
 Для наслажденій сладострастныхъ, —
 На карты, на пиры, на псовъ?
 Какъ только началась могучая борьба
 Межъ мыслию живой и варварствомъ Татарства,
 Вамъ стало жалко предковъ барства,
 Васъ горькая не тронула судьба
 Подъ игомъ тягостнымъ народа.
 Вотъ отъ чего страшна теперь его свобода,
 Вотъ отъ чего отъ незапамятныхъ временъ
 Пріятенъ Вамъ его могильный сонъ.

Подумайте, помыслите, поразсудите!
 О чемъ мечтаете? Чего хотите?
 Боярства мертваго?... Какое заблужденье?...
 Хотите вѣчнаго народу Вы ярма?
 Бойтесь пробудить бездѣйствіе ума?
 Но страшно будетъ Вамъ народа пробужденье!
 Въ главѣ его полночный богатырь,
 Которому дивится міръ;
 Прислушайтесь къ Его словамъ,
 Какъ вдохновенный мыслію святой
 Желаетъ просвѣтить народъ любимый Свой.
 Послѣдуйте Вы Царственнымъ рѣчамъ,
 Когда съ величія блистательнаго Трона,
 Самъ нисходя подъ сѣнь закона,
 Какъ первый сынъ земли родной,
 Приноситъ Онъ долгъ Царскій свой.

* * *
 *

Для блага родины зовѣтъ Васъ Государь,
 Несите жъ жертву на Олтарь
 Отчизнѣ доблестной, святой,
 И подвигъ вашъ, — вашъ долгъ прямой,
 Достоинъ будетъ Славянина,

И взглянетъ съ гордостью отецъ на сына

Великаго свободнаго народа.

Подъ сѣнію полночнаго богатыря, —

Всесильнаго, полсвѣтнаго Царя,

Да здравствуетъ разумная свобода!

Къ Народамъ.

Зачѣмъ волнуютъ народы?

Зачѣмъ враждуютъ племена?

Обычной чередой проходятъ годы;

Всѣ тѣже блещутъ знамена, —

Кровавыхъ битвъ трофеи,

Властителей безумныя затѣи.

Ужель Спасителя святое искупленье

Не принесётъ блаженнаго плода,

И рода грѣшнаго спасенье

Не искупится никогда?

Нѣтъ... Боже — праведный судья людей!

Ты не напрасно кровь свою пролилъ,

Грѣхъ первородный искупилъ

Страданіемъ и смертію Своей.

Настанетъ часъ, и онъ ужъ не далекъ:

Проснутся спящіе народы,

Соединится съ Западомъ Востокъ

Во имя братства и свободы,

Настанетъ часъ рѣчей свободныхъ,
 Замѣнятъ у людей они геройскій мечъ,
 И вдохновенная живая рѣчь
 Судьей будетъ распрей межъ-народныхъ.
 Настанетъ часъ, и смѣло возвѣститъ
 На сѣверѣ ораторъ истину святую,
 И громкой лирою свободно прозвучитъ
 Поэтъ любовь народовъ вѣковую.
 И будутъ всѣ внимать народы,
 И перестанетъ проливаться кровь,
 И звуки пролетятъ изъ рода въ роды,
 И водворится братство и любовь.

Уединеніе.

Привѣтствую мое уединенье,
 Къ тебѣ парить Божественный огонь души.
 Подъ бременемъ тяжелаго сомнѣнья,
 Подъ гнѣтомъ мелочныхъ интригъ и пустоты,
 Мятѣжныхъ чувствъ бурливыя волненья
 Влекутъ пѣвца на лоно сумрачной тиши.
 Прими подъ сѣнь твою отверженные свѣтомъ,
 Невѣжествомъ поправныя мечты,
 И голосъ истины, взлелѣянной поэтомъ
 Въ забвеніи ничтожной суеты, —
 Безумною, безсмысленной толпой
 Растоптанный порывъ поэзіи святой.
 Напрасны были всѣ желанья
 Возбудить благородный жаръ
 Въ сердцахъ безчувственныхъ, жестокихъ,
 И погасивъ страстей пожаръ,
 Внушить порывы думъ высокихъ,
 И сердца нѣжнаго живое трепетанье;

Напрасенъ гласъ порывистаго чувства
Среди ничтожнаго, паркетнаго искусства
Безуміемъ, тлетворною отравой,
Невѣжествомъ вскормленная толпа,
Съ тщеславной пустотой и модной славой,
Не поняла въ средѣ своей пѣвца,
Ни мысли глубины, ни цѣли благородной,
Ни этой рѣчи вольной и свободной,
Которую дала ему въ удѣлъ судьба.
Лавроваго не требуя вѣнца,
Онъ презираетъ суетной толпы кумиры,
И звуками небесной лиры
Святую истину вѣщаетъ онъ народу, —
Гоненья не страшась, поётъ его свободу.
Оставьте же въ пылу высокихъ думъ
Его среди безмолвной тишины,
Вамъ не пойметъ кичливый умъ
Поэзіи мучительные сны,
Средь народныхъ маскарадовъ,
Обѣдовъ шумныхъ и пировъ,
Средь танцевальныхъ вечеровъ
И модной роскоши нарядовъ.
Его не тронуть пошлыя забавы,
Чѣмъ восхищается паркетный свѣтъ,
А вкрадчивую лесть, какъ ядовитыя отравы,
Отвергнетъ съ гордостью поэтъ.

Найдетъ въ своемъ уединенъи
 Онъ высшей силы благодать;
 Поэзии святое вдохновенье
 Къ нему на помощь станетъ прилетать
 И грезы чудныя на душу навѣвать.

Посвящается Н. Е. Д.

УМИРАЮЩИИ ПОЭТЪ.

Пробилъ урочный часъ судьбѣ моей;
 Мнѣ прекращаетъ жизнь тяжелое дыханье;
 Ни слезы, ни печаль не могутъ продлить дней,
 Исполненныхъ надежды и страданья.
 По струнамъ лиры смертный холодъ вѣетъ,
 И звуки дребезжатъ прерывисто мнѣ смерть...
 Огонь горитъ въ душѣ, и чувство пламенѣетъ,
 И мысль волнуется умъ, могуль еще не пѣть?
 Я пѣть готовъ, персти мои на лирѣ,
 А душу смертный часъ восторгомъ вдохновить,
 И пѣснь мелодіей, какъ эхо, прозвучить
 Послѣдній разъ мнѣ въ этомъ мірѣ.
 Мнѣ геній предсказалъ, — исполнилось вѣщанье,
 Что есть въ душѣ пѣвца небесное вліянье
 Любви, гармоніи и пѣсни погребальной,
 И сердца нѣжнаго нѣмое трепетанье....

Родившись для любви, молитвы, пѣснопѣнья,
Мятежная душа моя
Не испытала въ жизни наслажденья,
И ничего въ ней нѣтъ, о чемъ жалѣлъ бы я.
Журчанье ручейковъ, цвѣтъ голубой небесъ,
Кристалльная поверхность тихихъ водъ,
Вершины снѣжныя горъ, тѣмный лѣсъ,
И безпредѣльный синій неба сводъ,
И звѣздъ блестящихъ міріады,
Ихъ вѣчный блескъ, ихъ вѣчный бѣгъ,
Мятели зимнія, морозъ и снѣгъ
Шумящія съ высотъ каскады,
Луга, поросшія милліонами цвѣтовъ,
Бурливое волненіе океана
И громоносный говоръ облаковъ,
Шумъ, свистъ и трескъ степнаго урагана,
И тишина вечерняя полей,
Прохлада вѣтерка и блескъ лучей —
Небеснаго вседневнаго свѣтила,
Вотъ всё что мнѣ и радостно и мило.
А къ людямъ я, не знаю почему,
Не могъ святыя чувства сохранить,
Встрѣчая въ нихъ одну невзгоду
На отзывъ сердцу своему,
Не могъ ихъ пламенно любить,
Какъ я люблю всегда природу.

Но передъ образомъ невыразимой красоты
 Звучить мнѣ голосъ лиры сладкозвучной,
 По струнамъ пробѣгаютъ вновь мой персты,
 И звуки раздаются пѣснью послушной:
 И гармоническій напѣвъ въ другой напѣвъ сольется,
 Изъ сердца вырвавшись, онъ въ сердцѣ отзовется.

Исторгнуть слезы изъ божественныхъ очей,
 Увидѣть свѣтлый взоръ невинности молодой,
 Печально устремлённый къ тверди голубой,
 Изъ лебединыхъ вырвать вздохъ грудей,
 Чтобъ вмѣстѣ съ звуками летѣлъ въ надзвѣздный
 край,
 Гдѣ гимнъ поютъ лишь хоры райскихъ птицъ,
 Увидѣть душу чистую и свѣтлую какъ рай
 Изъ подъ опущенныхъ шелковистыхъ ресницъ,
 Въ очахъ, сверкающихъ божественнымъ огнѣмъ,
 И свѣтлое лицо съ задумчивымъ челомъ,
 Съ оттѣнкой мысли тайной и нѣмой,
 Уста сомкнутыя съ улыбкой неземной...
 И послѣ долгаго и долгаго молчанья
 Услышать вдругъ души высокое признанье,
 И слова звукъ, волшебный и живой,
 Которое и у боговъ, и у людей,
 Какъ эхо арфы золотой,
 Звучить неслыханной гармоніей своей,

Услышать наконецъ: „люблю тебя....“
 Вотъ только то, чего желалъ бы я.
 А съ этимъ... вздохъ послѣдній изъ груди,
 И пусть на вѣкъ замолкнетъ пѣснь моя,
 И улетитъ душа по мрачному пути,
 Но не услышать этого мнѣ слова.
 Могильный холодъ ужъ въ душѣ моей,
 И смерть глядитъ и косо, и сурово.
 Я вижу предо мной собравшихся друзей!
 „Прощайте милые! — иду въ тотъ край иной,
 „Гдѣ сбыточны столь сладкія желанья,
 „Гдѣ взоръ блеститъ надеждою святой,
 „Гдѣ умолкаетъ всё: страсти и мечтанья,
 „Гдѣ вѣчный царствуетъ покой,
 „Гдѣ нѣтъ ни ропота, ни муки.
 „Туда летятъ послѣдней пѣсни звуки.“

Прощаясь съ жизнью и мелкой суетой,
 Такъ пѣлъ пѣвецъ на лирѣ золотой;
 Въ небесныхъ сводахъ звуки замирали,
 И наполняли дивною гармоніею слухъ,
 И музыкой волшебною играли,
 И съ ними улеталъ пѣвца могучій духъ.

Посвящается Е. П. К.

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Il y a dans les affections profondes du cœur quelque chose de pur et désintéressé, qui annonce l'excellence et la dignité de l'ame humaine.

Ancillon.

Среди бурливыхъ тревоженій
Души страдальческой, больной,
Мятежныхъ чувствъ и наслаженій,
Разгара страсти огневой,
Борьбы могучей силъ душевныхъ,
Взбудившихъ въ сердцѣ моёмъ вновь
Безумную прошедшую любовь,
Среди ничтожныхъ, суевѣрныхъ,
Холодныхъ и пустыхъ людей,
Средь грусти и тоски моей,
Прелестный взоръ твоихъ очей
Въ кругу наперстницъ и подругъ
Не рѣдко облегчалъ недугъ

И замѣнялъ участіе друзей.
Прошли блаженные лѣта,
Какъ сладкій и волшебный сонъ,
Когда, прелестное дитя,
Ты услаждало сердца стонъ,
И голосъ твой, какъ лира звонкой,
Твердилъ урокъ заданный мной,
И восхищался я тобой, —
Твоей кудрявою головкой,
И сердца тайно-бурный трепетъ,
Тяжелый стонъ и тихій лепетъ
Смирялися въ душѣ моей
При блескѣ пламенныхъ очей.
Но увлеченный сильной страстью,
Всё забывалъ на свѣтѣ я
И предавался сладострастью.
Мятежная душа моя
Въ борьбѣ могучей изнывала;
Средь нѣжныхъ, тихихъ упоеній,
Безумныхъ, дикихъ наслажденій,
Восторги сердце испытало.
И жизнь любовью полна
Кипѣла, — пѣнилась тогда,
Какъ шумно — бурная волна.
Казалось мнѣ, среди мученья
Взошла блестящая звѣзда

Земнаго счастья и веселья, . . .
 Но не замѣтно для меня
 Проникнулъ въ грудь тлетворный ядъ, —
 То былъ мой рай, то былъ мой адъ,
 И жертвою страстей палъ я.

Я умиралъ, я жаждалъ умереть,
 Но только грустно было мнѣ
 (Теперь я помню какъ во снѣ),
 Что при послѣднемъ издыханьи
 Мнѣ нѣкому было согрѣть
 Души моей послѣднее признанье,
 Послѣдній вздохъ мой усладить
 Слезой сердечнаго участья,
 Чтобы минутою земнаго счастья
 Я могъ предъ смертью искупить
 Мое страданіе и муку,
 И вѣчную тоску, и вѣчную разлуку
 Со всѣмъ, что мило было мнѣ
 Въ родной далёкой сторонѣ.
 Но долго длившаяся борьба
 Мятежной жизни съ смертію холодной
 Окончилась, и вотъ судьба
 Оставила мнѣ жизнь съ душою безпокойной,
 Болѣзненной, съ ужасною тоской,
 Какъ ядовитою отравой,

Которая сжимаетъ разумъ мой
И, обливая сердце кровью,
То вспыхнетъ прежнею любовью,
Какъ бы угасшаго вулкана лавой,
То наполняетъ безпокойный умъ
Сомнѣніемъ тревожныхъ думъ.

Я долго былъ полуживой мертвецъ:
Среди пріятелей, знакомыхъ,
Какъ прежде, я не находилъ
Сочувствія безчувственныхъ сердець
И жизнь свою въ страданьяхъ проводилъ;
Умъ волновали страшныя сомнѣнья,
И къ жизни родилось прямое отвращенье.
Тогда-то голосъ неземной
Мнѣ зазвучалъ съ небесной высоты:

„Остановись, безумецъ мой,

„Еще не умерли твои мечты!“

Съ тѣхъ поръ я забывалъ безуміе порой,
Руководимый вдругъ невидимой звѣздой,
Какъ будто былъ конецъ страданью и, терпѣнью,
Какъ будто часъ насталъ моему возрожденью.

Отъ жизни мрачной и суровой
Меня воззвалъ какой-то голосъ тайный
Для жизни свѣтлой, жизни новой.
Но былъ-ли голосъ тотъ случайный,

Или назначенный судьбой
 Мнѣ неизвѣстный утѣшитель,
 Слетѣлъ на землю небожитель,
 Чтобъ усладить печальный жербій мой,
 Чтобы страдальца вдохновить
 Святою мыслию небесной
 И трепеть сердца укротить
 Любовью тихою и нѣжной?
 Страстей бурливыхъ примирѣньемъ,
 Души мятежной жизни возрожденьемъ,
 Къ разумной жизни возвратить?
 Пленясь невидимой красой,
 Я увлеченъ въ волшебный міръ
 Высокой усладительной мечтой.
 Смотрѣть на жизнь сталъ, какъ на пиръ,
 Но не нашелъ въ ней свой кумиръ.
 Ни бальный блескъ, ни бальный шумъ,
 Меня ничуть не занималъ,
 Я сталъ по прежнему угрюмъ,
 По прежнему затосковалъ.....
 Средь бальнаго волненья
 Мною забытое прелестное дитя
 Мелькнуло, словно привидѣнье,
 И взоромъ нѣжнымъ сожалѣнья
 Впервые встрѣтило меня.
 Глядя съ холодностью на пустоту,

Не могъ тогда её понять,
 Души невинной доброту,
 Мгновеннаго восторга разгадать
 Моей страдальческой души
 И бурныхъ чувствъ нѣмой тиши.
 Я всё не могъ понять никакъ,
 Хотя было очень часто такъ,
 Что въ глубинѣ души печальной
 Звучалъ мнѣ счастья голосъ тайной,
 И мысли чудныя летѣли высоко...
 Мнѣ стало сладко такъ и было такъ легко.

Мечтою новой упоенный
 И любопытствомъ увлеченный,
 Изъ любопытства я за ней слѣдилъ
 И каждый взглядъ ея ловилъ.
 Меня никто не замѣчалъ...
 Полуживой, полумертвецъ,
 Я двигался какъ привидѣнье;
 Твердили всѣ, что близокъ мой конецъ,
 Что нѣтъ моимъ страданіямъ спасенья.
 Не помню я о чемъ мечталъ,
 Но помню, что не испыталь
 Ни отъ кого и слова утѣшенья.
 Мелькало все передо мной:
 И модные уборы модныхъ дамъ,

И бальный шумъ и бальный гамъ,
 И танцы шли обычной чередой;
 Мелькали пышные наряды,
 Не рѣдко на меня бросали взгляды;
 Въ нихъ не было ни капли сожалѣнья,
 Хоть не было ни капли и презрѣнья:
 Холодные безъ мысли и безъ чувства,
 Безъ искренней сердечной теплоты,
 Въ нихъ было видно бальное искусство,
 Да слѣдъ поддѣльной красоты...
 Я помню, какъ теперь тотъ уголокъ,
 Передо мной какъ будто мотылекъ,
 Какъ дивное небесное видѣнье,
 Какъ метеоръ представилось она,
 И юная душа была полна
 Божественной небесной красоты.
 Ее послало мнѣ святое Провидѣнье
 Разсѣять грустныя мечты,
 И взоромъ нѣжнымъ, и словами,
 Улыбкой ангельскою на устахъ,
 И скрытыми ея очами,
 Блестящими, какъ звѣзды въ небесахъ.
 Прекрасной наклоняясь головой,
 Не рѣдко локонъ прелестный конвой
 По бѣлоснѣжной шеи рассыпала,
 То свѣтлою надеждой улаждала

Столь безнадежный жребій мой,
 То грёзы дивныя на душу навѣвала
 И Ангеломъ являлась предо мной.
 Тогда-то въ первый разъ мнѣ заблестала
 Не выразимою душевной красотой,
 Объ образѣ, о коемъ въ тишинѣ ночной
 Всегда такъ сладко я мечталъ,
 Какъ голосъ тайный мнѣ надеждой прозвучалъ.
 Былъ пышный балъ;
 Шумѣлъ, пестрѣлъ блестящій залъ;
 Тамъ съ нею говоря, я горе забывалъ:
 Шумилъ, смѣялся и болталъ
 Невинной бальный вздоръ,
 И веселъ былъ нашъ разговоръ...
 Проходитъ вдругъ одна дѣвица,
 И я шутя объ ней сказалъ:
 „Вотъ онъ мой вѣчный идеалъ —
 „Моей души могучая царица!“
 Но что жъ увидѣлъ? — смутный взоръ,
 Въ которомъ горькій былъ укоръ.
 Вдругъ собесѣдница моя тихонько встала:
 „Я думала, что лучший вкусъ у васъ.“
 Въ полголоса съ упрекомъ мнѣ сказала,
 Взглянула грустно и ушла тотъ часъ.
 Напрасно я узнать желалъ
 Значенье тайныхъ ея словъ,

Просилъ, молилъ и заклиналъ,
 Напрасно я старался вновь
 Нашъ разговоръ возобновить,
 И въ сердце юное впоить
 Гласъ дружбы вѣчной и святой,
 Чтобъ въ душу съ бурною грозой, —
 Въ мою страдальческую грудь
 Могла добро она вдохнуть.
 Но словъ моихъ не понимала
 Она, иль не хотѣла ихъ понять,
 Отвѣтъ уклончивый давала,
 Мнѣ трудно было разгадать
 Значенье тайное его,....
 Не разгадалъ я ничего.
 Но незамѣченная свѣтомъ
 Всё также съ ласковымъ привѣтомъ,
 Съ сердечной, нѣжной теплотой
 Сокрытой, тихой, но живой,
 Меня увидѣвши, ко мнѣ тайкомъ,
 Случайно будто подходила,
 И о страданіи моемъ
 Рѣчь постоянно заводила:
 „Всегда суровый и печальный,
 „Съ какой-то мыслию угрюмой
 „Взираете на блескъ нашъ бальный.
 „Оставьте прежнія вы думы!

„Прошедшее забудьте время,
 „И бредъ души, и сердца бремя,
 „Вамъ будетъ легче, увѣряю.
 „Я отъ души добро желаю.“
 Голосъ ея гармоніей звучалъ,
 Дыша наивной простотою :
 Съ улыбкою веселой и живою
 Онъ глубоко мнѣ въ душу проникалъ.

Какъ горный мотылекъ, —
 Жилецъ надзвѣднаго ээира,
 Занесенный дыханіемъ зефира,
 Съ цвѣтка порхая на цвѣтокъ,
 Душистый собираетъ токъ,
 Чтобы его благоуханьемъ
 Цвѣтокъ увядшій освѣжить
 И къ жизни новой возвратить
 Зефирнымъ, сладостнымъ дыханьемъ, —
 Такъ точно и она,
 Поэзіи возвышенной полна,
 Средь роскоши пустаго свѣта,
 Въ разочарованной душѣ поэта,
 Давно заглохшей и нѣмой,
 Будить фантазіи дивный рай,
 И тихую любовь, и грезы,
 Восторгъ и грусть, мечты и слезы.

. Она такъ дивно разцвѣла ;
 Душа прекрасная ея напоена
 Восторгомъ сладостнымъ живымъ
 И сердца трепетомъ нѣмымъ.
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Она по прежнему дружна со мной ;
 Какъ прежде взоръ ея очей
 Сіялъ неподдѣльной добротой
 Въ кругу семейномъ и друзей.
 Но средь блестящаго собранья
 Такъ холодна и такъ бездушна,
 И такъ преступно равнодушна,
 Что искреннимъ вниманьемъ,
 Какъ бы страхась сужденья свѣта,
 Украдкою привѣтствуетъ поэта.
 Привычка-ль это съ малолѣтства,
 Иль доброты порывъ высокій,
 Порывъ таинственный, глубокій,
 Иль невинное кокетство,
 Иль сердца трепетнаго зовъ
 Иль неиспытанная первая любовь,
 Не могъ никакъ я разгадать.
 Души таинственной влеченье
 И давнее ума сомнѣнье
 Проникнуло въ мой духъ опять,

А съ нимъ исчезло всё что было
Пріятно, радостно и мило.

Благодарю тебя, мой другъ!
Тобою долго я дышалъ,
Съ тобою горе забывалъ
И сердца тайный мой недугъ.
Куда бъ ни брошенъ былъ судьбой,
Вездѣ прелестный образъ твой
Въ душѣ я буду сохранять,
Объ нёмъ и думать, и мечтать.

На сѣверъ-ли холодный
Гдѣ вѣчный ледъ, гдѣ вѣчный снѣгъ,
На югъ-ли въ край безводный
Направлю поэтическій мой бѣгъ,
Или туда, гдѣ съ вихремъ ураганъ
Несётся мракомъ къ облакамъ,
Гдѣ безпредѣльный океанъ
Вздымаетъ волны къ небесамъ,
Гдѣ вѣчно пѣнистыя воды,
Среди борьбы стихій природы,
Вездѣ я дружбу сохраняю,
За дружбу нѣжную твою.

Но нынѣ, хоть сказать и больно,

Благодарю, мой другъ; довольно
Жизнь утѣшать надеждой сладкой,
Взирать съ участіемъ, украдкой,
Украдкой иногда вздыхать
И вздохомъ сердце облегчать.
Ни жгучіе твои глаза,
Ни ангельскій небесный ликъ,
Къ которому я такъ привыкъ,
Ни дивная твоя краса,
Ни гибкій станъ, ни звонкій голосъ,
Ни шелковой душистый волосъ,
Ни даже нѣжная любовь
Ужъ не взволнуютъ мою кровь,
И не найдешь во мнѣ отвѣтъ
На тайный искренній привѣтъ.
Къ тебѣ одна моя мольба:
Когда жестокая судьба
На вѣкъ умчитъ меня отсюда
Въ обитель вѣчнаго пріюта,
Тогда ты вспомни кого нѣтъ,
О чемъ мечталъ душой поэтъ,
Что жизни мелкой суеты
Не вынесла душа его,
И что высокія мечты
Были страданьемъ для него.

КЪ...

Уже давно въ душѣ кипитъ
 Негодованье и презрѣнье
 Къ тебѣ, коварный Езуитъ!
 Уже не стало мнѣ терпѣнья;
 Тебя мои стихъ не пощадитъ,
 Онъ еиміамовъ не куритъ,
 И хитрость адская плута
 Его не купить никогда.
 Уже давно настало время
 Завѣсу тайны разорвать, —
 Твоихъ затѣй плоды и семя
 Предъ свѣтомъ явно показать.
 По виду тихій, благодушный,
 Ты службой занятъ навсегда,
 Въ тебѣ нѣтъ совѣсти слѣда...
 Ты подлый рабъ, — слуга послушный,
 Законъ и совѣсть ты продалъ
 И тѣмъ въ чиновники попалъ.

Продалъ начальника, друзей,
 Товарищей своихъ по службѣ,
 Увѣривъ ихъ въ своей къ нимъ дружбѣ;
 И честнымъ слылъ ты межъ людей,
 Дородный, лысый и высокій,
 И близорукій, сѣроокій!
 Ты помнишь-ли, когда въ тиши
 Предъ всѣми выю преклонялъ,
 И низости своей души
 Съ уловкой хитрою скрывалъ,
 И слылъ смиреннымъ добрякомъ,
 Когда былъ мелочнымъ писцемъ,
 Какъ предъ начальникомъ своимъ
 На заднихъ лапкахъ ты ходилъ
 И моською ему служилъ,
 Коварностью любовь снискалъ,
 Игралъ какъ куклою ты имъ
 И за серебро жидамъ продалъ?...
 Ты помнишь-ли твой адскій планъ,
 Когда надѣвъ жида кафтанъ, —
 Приличнѣйшій тебѣ нарядъ, —
 Спѣшилъ, какъ будто въ маскарадъ,
 Ты въ К..., ночью и прибылъ
 И пломбы тайныя открылъ,
 Чтобъ чинъ скорѣе получить,
 И управляющимъ въ В....,

И красную въ петлицу ленту
 За службу подлую схватить?
 И жертва варварской интриги, —
 Подлѣйшій плодъ мерзѣйшей лиги,
 Подъ уголовный судъ отданъ,
 Лишенный правъ въ Сибирь сосланъ.
 Но Всесвятое Провидѣнье
 Ниспосылаетъ свое мщенье,
 И первый Е... жертвой палъ, —
 Онъ какъ животное пропалъ.
 Тебя жъ орудіе ждетъ, кота, —
 Судьбы жестокой приговоръ,
 Ты не подкупишь звономъ злата
 Всевышняго Судьи укоръ.

Отрывокъ изъ безименной повѣсти.

Оставивъ Питеръ величавый, —
Орангутангъ, — верблюдъ, — бульдогъ,
Спѣшитъ искать звѣриной славы
Онъ въ пограничный городокъ.
А съ нимъ и вѣчная подруга,
Его служебная досуга.
Но что за женщина она? —
Любовница или жена,
Иль отставная гувернантка,
Иль просто за просто кухарка?
И вотъ начальникъ окружной
Съ своей подругой дорогой
На мѣсто должное прибылъ
И звѣрскій правъ тотъ часъ открылъ.
Какъ бѣшеный и дикій песъ,
Началъ и лаять, и визжать,
И безъ разбору всѣхъ кусать
Уродливый и злой курнось.

Одинъ — чиновникъ исполненій
 Его мерзѣйшихъ порученій;
 Какъ низкій и подлѣйшій рабъ,
 Ему составилъ гнусный штабъ.
 А самъ въ немъ, словно Меттернихъ,
 Былъ первымъ подлостей своихъ,
 Въ угодливость своему пану,
 Пашѣ, сатрапу и тирану.
 Другой же — Езуитъ почтенный,
 Такой же лысый и смиренный,
 Ну словно первому онъ братъ,
 По низостямъ и кумъ, и свать,
 Хоть ниже ростомъ онъ, но тихъ,
 Какъ пресловутый Меттернихъ.
 А для мерзѣйшаго комплекта
 Еще былъ выписанъ одинъ,
 Почти такой же точно чинъ,
 Какъ самъ почтенный властелинъ:
 И вотъ всѣ члены кабинета.

Отрывокъ изъ поэмы „Балъ“.

Но вотъ и Нимфа, вотъ она,
 Большой толпой окружена:
 Предъ нею тигры и амурь,
 За ней сидятъ индѣйки, куры,
 И левъ трясеть головой своей;
 Стоитъ и Мишка передъ ней;
 А тамъ подходитъ и тюлень,
 За ними прыгаетъ олень.
 На приглашенье всѣмъ въ отвѣтъ
 Она даетъ иль да, иль нѣтъ.
 Съ улыбкой къ Нимфѣ тигръ подходитъ
 И на мазурку ее проситъ.
 Она съ улыбкою жъ такой —
 Ему кивнула головой.
 Но вотъ и Мишенька мурлычитъ
 И по медвѣжьему онъ кличетъ:
 „Со мной кадрилъ, прошу я васъ.“
 Но не услышенъ Мишки гласъ.
 Къ ней вдругъ прыгнулъ свирѣпый тигръ
 И въ вальсъ ее умчалъ, какъ вихрь.

А Мишка будто мыла съѣлъ
И въ уголкѣ тихонько сѣлъ...

Толпа вдругъ снова разступилась,
И пара новая явилась.
Мои синьоры buon giorno!
Вотъ наконецъ и вы сюда!
Какъ веселы вы завсегда,
У васъ все быстро, все проворно,
Смѣтесъ вы самодовольно,
Вашъ разговоръ легокъ и живъ,
Забавенъ, веселъ и игривъ....
Вотъ подъ руки еъ двоємъ съ маіоромъ
Подходитъ Мишка мой къ синьорамъ
И начинаетъ имъ parlare
О томъ, что жаждетъ онъ амаге,
Что бѣдное его il cuore
Бурлитъ, волнуется какъ море,
Что не имѣетъ онъ искусства
Молоденькихъ лисицъ привлечь,
И что медвѣжье его чувство
И грубая медвѣжья рѣчь
Смѣшатъ львовъ, тигровъ и лисицъ,
Младыхъ и старыхъ модныхъ львицъ.
При томъ раздался смѣхъ синьоръ,
И улыбнулся нашъ маіоръ.

Увидя вшедшую Психею,
 Пустился въ слѣдъ маіоръ за нею,
 Усы сѣдые закрутилъ
 И на кадриль ее просилъ.
 А между тѣмъ мои синіоры,
 Бросая пламенные взоры
 Вокругъ блестящаго собранья,
 Медвѣдя выслушавъ признанье,
 Медвѣжьёю страсть зло осмѣяли
 И Мишенькѣ совѣтъ подали
 Дѣла устроить ему такъ,
 Чтобы вступить въ законный бракъ,
 Свою берлогу только знать
 И о лисицахъ не мечтать.
 Услышавъ ихъ такой совѣтъ,
 Пустился Мишка на паркетъ;
 За львомъ и львицей лютый звѣрь
 Валить медвѣдь во весь карьеръ;
 За ними тигръ съ рукой подъятой,
 Восторгомъ звѣрскимъ весь объятый,
 Летитъ съ молоденькой лисицей
 Во слѣдъ за львомъ, медвѣдемъ, львицей.
 А тамъ и франты, и маіоры,
 И наши милыя синіоры
 Скользятъ по зальному паркету,
 Въ рукахъ имѣя по букету.

Одна съ собою пѣтуха
 Тащѣтъ, надъ нимъ хохочетъ,
 Другая тюленя морочить.....
 И хи, хи, хи, и ха, ха, ха,.....
 За ними мчатся два быки,
 Коровы дойныя, телята,
 Тамъ выступаютъ индюки,
 Индѣйки, гуси, жеребята,
 Козлы съ Парижскими брадами,
 И козлики еще безъ бродъ,
 Бараны съ длинными усами,
 И первый въ танцахъ коноводъ,
 Вотъ настоящій ужъ бугай,
 Таща корову за собой.
 Реветь во весь онъ голосъ свой:
 „Мазура остро!.. начинай!“
 И въ залѣ шумъ, и трескотня,
 И крикъ, и стукъ, и бѣготня.
 Силися ревъ и вой звѣрей
 Съ крикомъ индѣекъ и гусей,
 Съ веселымъ говоромъ людей, —
 Разнообразныхъ ихъ рѣчей.
 Тутъ слышны звуки словъ Французскихъ,
 Нѣмецкихъ, Польскихъ, даже Русскихъ;
 Всѣ пляшетъ, и оркестръ гремитъ,
 И балъ во всей красѣ блеситъ.

Что буду дѣлать я,

Скажи мнѣ, духъ!

Болить душа моя;

Мнѣ скучно, другъ!

Въ странѣ родной все вздоръ.

На что взгляну,

Во всемъ и грязь, и соръ

Я нахожу.

Мнѣ грезится то адъ,

То страшный судъ,

То райскій земной садъ,

То плеть и кнутъ.

Ужели на всегда

Соккрытъ тьмой свѣтъ?

Все горе, да бѣда,

А счастья нѣтъ!

Но что же счастье есть? —

Волшебный сонъ,

Пустая слава, лесть,
Иль злата звонъ?

За золото даютъ

И жизнь, и смерть,
Невинность продаютъ,
Законъ и честь.

Скажи, гдѣ мнѣ достать
Телецъ златой?

Ужель себя продать
Тебѣ, духъ злой?

Ты хочешь править, бѣсъ,
Моей судьбой!

Но вотъ летитъ съ небесъ
Защитникъ мой;

Отъ Бога даръ несетъ, —
Мнѣ даръ святой

И вмѣстѣ гимнъ споетъ
Творцу со мной;

И станутъ всѣ внимать
Молитвѣ той,

Лишь будешь ты дышать
Твоей злобой!

Воспоминаніе (Кіевъ).

Какъ только вспомню градъ святой
 И Днѣпръ широкій подъ горой,
 Его хрустальную струю,
 И жизнь студентскую мою,
 И взоръ молоденькихъ пѣвицъ, —
 Очаровательныхъ пѣвицъ, —
 И ножки стройныя плясавицъ,
 И прежнихъ всѣхъ своихъ красавицъ, —
 Проснѣтся въ сердцѣ моемъ вновы
 Мятежно - бурная любовь.

Бывало поздною порою
 Сберемся на Печерскъ толпою.
 Начнется тамъ студентскій пиръ:
 Раздается вдругъ бокаловъ звонъ,
 Удалыхъ пѣсенъ звучный тонъ
 И голосъ нѣжно-томный лиръ...

Все громче пѣсня раздается,
 И эхо пѣсни удалой
 Вдали вторится въ часъ ночной,
 Подъ шумъ фонтана и каскада;
 Потомъ пѣвалась серенада
 Во имя дивной красоты,
 Любви, надежды и мечты,
 Во имя дружбы и науки,
 Восторга, радости и скуки,
 Во имя братства и свободы,
 И угнетенные народы
 Не рѣдко занимали насъ
 Въ бессонный, полуночный часъ.

—
 Теперь парить душа туда,
 Гдѣ бьетъ Днѣпровская вода:
 Умомъ и сердцемъ жилъ я тамъ.
 Туда къ Днѣпровскимъ берегамъ,
 Влечетъ небесный гласъ пѣвца,
 Чтобъ лирой грозной, какъ мечемъ,
 Карать развратнаго глупца,
 Что лести мерзостной челомъ
 Въ передней бьетъ аристократу,
 И кадитъ златомъ бюрократу.
 Тамъ Б.... въ паша, болванъ,
 Разврата мерзостный рачитель,

Науки страждущей гонитель,
 Безумствовалъ, надъ всѣмъ тиранъ,
 Но опозоренный молвою
 Безумный, ревностный сатрапъ,
 Съ развратно-подлою душею,
 Упалъ, какъ подлый низкій рабъ.

Басня.

Gut oder schlecht, ist alles recht.

Обычной чередой на свѣтѣ всѣ живутъ
И разный толкъ всему даютъ.
Хоть дурно иногда бываетъ, — gut,
Подъ часъ и хорошо, а говорятъ что schlecht,
И разницы, какъ видите, въ томъ нѣтъ.

Въ одинъ изъ городковъ
Повѣяло полночнымъ вѣтромъ gut;
Поднялись кутюрьма, крикъ тамъ, и всѣ бѣгутъ,
Какъ будто бы взглянуть
На одного изъ тѣхъ звѣрьковъ,
Которыхъ жаждутъ у себя имѣть,
Чтобы поймать въ разставленную сѣть.
На худо иль добро тогда былъ балъ,
И gut украшенъ былъ блестящій залъ.
Пустились gut съ отвагой на паркетъ,
Но вышло gut, отъявленное schlecht,
А въ обществѣ различные начались толки,

Шептались дамы въ тихомолкѣ.
 Страшное волненье
 Ввело тутъ общество въ сомнѣнье:
 Что въ самомъ дѣлѣ gut? gut oder schlecht? —
 Вопросъ не могъ рѣшить паркетный свѣтъ.
 Но стоитъ лишь за дѣло взяться,
 И ларчикъ станетъ просто открываться.
 Хочу я пояснить здѣсь баснею моею:
 Бываетъ у животныхъ тожъ, что у людей.
 Довольно стройное, предлинное, живое,
 Нахальное, животное такое,
 Съ обширнымъ лбомъ, остриженной головой,
 Звучащей какъ котелъ и какъ котелъ пустой,
 Въ которомъ вѣчно паръ шумить,
 А вѣтеръ воетъ и свиститъ, —
 Животное въ мазуркѣ gut несется:
 Трещитъ паркетъ, и ревъ по залѣ раздается.
 То голову безмозглую согнетъ,
 То шею вытянувъ, какъ хортъ,
 Подскочитъ антраша, тряхнетъ головой,
 То лапой длинною размахнетъ,
 То хлопчетъ правою ногой,
 Потомъ языкъ и зубы gut покажетъ,
 То устремивъ на даму взоръ пристальный,
 Вдругъ улыбнется gut на сценѣ бальной,
 Увидѣвши всѣхъ ласковый привѣтъ

И привлекательную дамъ любезность.
 Взмечтавши gut, животное явило дерзость.
 Съ пустою головой, съ подобную себѣ скотиной,
 Высокой, тонкой и сухой,
 Ну словно длиною дубиной,
 Давай высказывать талантъ gut свой.
 Вотъ тутъ-то весь гостиный свѣтъ
 Узналъ о томъ, что gut ist schlecht.
 Не помогла уже и длинная дубина,
 Сокрывшаясь въ хлѣву, какъ умная скотина.
 Но тѣмъ не кончилось, собранъ совѣтъ,
 И рѣшено въ немъ gut, хоть и главой пустой,
 Что странно какъ-то созданъ свѣтъ,
 Что золото теперь кумиръ святой,
 Что лишь тряхнуть карманомъ gut, —
 Тотъ часъ же всѣ за нимъ поѣдутъ и пойдутъ.
 Дѣйствительно, случилось такъ:
 Передъ обѣдомъ званнымъ умный сталъ дуракъ,
 На прошеный обѣдъ тотъ часъ же всѣ пришли,
 И вмѣсто schlecht, всѣ gut нашли,
 И schlecht, какъ прежде, стало gut,
 Gut перестало быть ужъ schlecht,
 И вотъ вы видите, что тутъ
 Различья между ними нѣтъ.
 И такъ рѣшивъ сомнѣнье,

Мы сдѣлаемъ такое заключенье:
 Такъ вѣрно созданъ родъ людской,
 Что хоть наплюй на голову кому,
 А стоитъ лишь задать обѣдъ порой,
 Тотъ часъ schlecht кончится, и будетъ gut всему.

Къ Е. П.

Ты помнишь-ли прекрасная Е...,
 Когда въ тиши наединѣ,
 Воспламенясь, какъ Гиппокрена,
 Шептала ты признанье мнѣ;
 Когда въ блестящемъ шумѣ бала,
 При свѣтѣ радужныхъ огней,
 Ты мнѣ ужасно руку сжала
 И не дала пошады ей.
 Ты помнишь-ли въ тиши ночной,
 Когда меня въ рукѣ съ свѣчей,
 Съ улыбкой нѣжной провожала,
 Еще мнѣ крѣпче руку сжала,
 И мнѣ было еще больнѣй.
 И я услышалъ голосъ твой:
 „Ты будешь первый, онъ второй.“
 А этотъ голосъ и во снѣ
 Еще тревожитъ сердце мнѣ,
 И я, какъ вѣтренный ребенокъ,

Въ нѣмомъ восторгѣ, какъ теленокъ, П
Въ тебѣ увидѣлъ идеалъ, Еще не тотъ ужъ ешь
Увидѣлъ все, о чемъ мечталъ. И вотъ
Когда жъ услышалъ твой привѣтъ, Еще
И взоръ умильный, голосъ страстный, А
Тотъ часъ пустился на паркетъ
И заглушилъ недугъ ужасный
Души растерзанной моей
Любовью нѣжною твоей.

Прошла хандра моя и скука
И сердца трепетнаго мука;
Открылась радость прежнихъ дней,
И я былъ счастливъ, какъ Эней.
Не долго жилъ я въ упоеньи,
Я преданъ былъ тобой забвенью,
Когда, вкусивъ плодъ жизни рая,
Женой была ты Н...

Тогда-то я узналъ о всемъ,
О надувательствѣ твоёмъ....

Ты также роль свою играла,
Какъ точно игривалъ и я,
И слушая во всѣмъ меня,
Меня жестоко надувала.

„Ты будешь первый, онъ второй“ —
Не правда ль это голосъ твой?
Увы, ни первый, ни второй!....

По прежнему въ хандрѣ и сукѣ,
 Еще къ тому жъ съ тобой въ разлукѣ,
 И вотъ печальный жребій мой:
 Еще и холостъ, не женатъ,
 А ужъ заранѣе рогать.....

Тотъ часъ, когда ты ушла,
 И заглохъ мой домъ,
 Душа растерзана,
 Любовь въ сердце
 Прощай, мой домъ,
 И сердце твое
 Открылось радости,
 И я былъ счастливъ,
 При этомъ я въ
 Не дождя, а въ
 Радости, а въ
 Когда, въ
 Женой былъ ты
 Тогда-то и
 О улыбкой твоей
 Ты такъ
 И какъ
 И я
 Ты будешь
 А вотъ
 — И вотъ
 Еще
 И я, какъ

Къ В... Д...

Ты ловкостью своихъ маперъ,
 Услужой ревностной и вѣрной
 И службою нелицемѣрной
 Открылъ по службѣ свой карьеръ,
 Но о любви вдругъ замечталъ
 И весь карьеръ свой потерялъ.
 Но кто жъ причиною страданья,
 Какой изъ смертныхъ идеалъ
 Убилъ все то, о чемъ мечталъ, —
 Всѣ пограничныя желанья?
 И что жъ, о Боже, мой Творецъ,
 Разрушилъ тайныя стремленья,
 Къ поимкамъ бурныя влеченья? —
 Любви ль мечтательной вѣнецъ?
 Б....чь месть къ тебѣ таилъ,
 Сначала въ узы заключилъ.
 Какъ Государственный преступникъ,
 Сидѣлъ въ тюрьмѣ мой бѣдный узникъ,

О томъ не думавъ никогда,
 Что тѣмъ не кончится бѣда.
 Б....чѣ гнѣвомъ воспылалъ
 И въ ссылку узника сослалъ,
 Въ страну мятелей и снѣговъ,
 И вѣчныхъ вьюгъ, и вѣчныхъ льдовъ,
 Тоску, разлуку, холодъ, горе
 Испытывать на бѣломъ морѣ.

Отрывки изъ эпико-сатирической поэмы Л....

Въ минувшіе былые годы,
 Въ часы досуга и свободы,
 Бывало муза посѣщала
 Студентскій скромный уголокъ.
 И вдохновенье прилетало,
 И лился чувствъ моихъ потокъ.
 Уже давно покинулъ я,
 Мои любезные друзья,
 Дары поэзіи святой,
 „Разнообразной и живой.“
 Но воспоминанье прежнихъ дней,
 Безпечной жизни и затѣй,
 Надеждъ несбыточныхъ, нѣмыхъ,
 Таинственной моей мечты,
 И звукъ пѣсней удалыхъ,
 И образъ дивной красоты
 Волнуютъ душу и порой

Сжимають грудь мою тоской.
 Но вотъ святое вдохновенье
 Опять привѣтствуетъ меня,
 И лира грѣшная моя
 Поётъ любовь и упоенье.
 Но не воскреснуть уже вновь, —
 И жизнь надеждою полна,
 И такъ какъ Днѣпровская волна
 Мятежно - бурная любовь.

ПѢСНЬ I.

Насъ займутъ сперва дѣвицы,
 Всѣ красавицы сестрицы.

Ю... старшая сестрица.....
 Что за рѣдкая дѣвица!
 Скромна, тиха и молчалива,
 Меланхолична, не злоелива,
 Всегда задумавшись сидитъ
 И холодно на свѣтъ глядитъ;
 Ее ничто не занимаетъ,
 Она ни терпитъ, ни страдаетъ,
 И чувствамъ дѣвы молодой
 Любви высокія мечтанья
 Невѣдомы; ея желанья --

Послушной быть себѣ самой.
 Когда жъ душа ея проснется,
 Вволнують молодую кровь,
 Тогда нисходитъ вдохновенье
 На душу Ю.. порой,
 И музыки волшебной пѣнье, —
 Голосъ поэзій святой, —
 Наполнять чувства молодыя,
 И звуки нѣжные, живые,
 Какъ будто райскіе напѣвы,
 Исходятъ изъ подъ перстовъ дѣвы.

Ея средняя сестрица
 Раскрасавица дѣвица;
 Словно Грековъ Мельпомена
 Моя дивная Е...а.
 Лѣтъ четырнадцать не болѣ
 Была Леночка въ неволѣ;
 Но съ пятнадцати ужъ лѣтъ,
 На лицѣ прелестный цвѣтъ
 Сталъ прелестнѣе и болѣ;
 На шестнадцатомъ году
 Въ платьѣ пышно нарядилась,
 Въ модный свѣтъ она пустилась
 И теперь въ большемъ ходу.

Адвокаты и артисты,
 И педанты, моралисты,
 Всѣ танцоры записные,
 Старики и молодые
 Повергаются передъ ней,
 Раскрасавицей моей.
 Генеральшихъ адъютанты
 И паркетные всѣ франты,
 Судья, прокуроръ, ассесоръ,
 Ея давнишній профессоръ,
 Пограничные чины,
 Капитаны и маіоры, —
 Ею всѣ восхищены, —
 Какъ сіяніемъ авроры.
 Въ самомъ дѣлѣ, что за диво,
 Что за чудо красоты!....
 Она будить молчаливо
 Восторженные мечты:
 Глаза томно-голубыя,
 Брови черны какъ смола,
 Кудры дивно завитыя
 Вѣютъ пламенемъ съ чела,
 Голосъ звученъ, словно лира,
 Граціозенъ гибкій станъ....
 Житель райскаго ты міра!
 Ты волшебный талисманъ!

Жгучій взглядъ волнуетъ кровь,
 Всѣхъ восторженныхъ сердець....
 Но кому жъ сплететь вѣнецъ
 Твоя нѣжная любовь?

С... третьяя сестрица,
 Также милая дѣвица;
 Хоть шестнадцать ей ужъ лѣтъ,
 Носить дѣтскій туалетъ;
 Всѣ ея заботы въ этомъ,
 Чтобы съ дѣтскимъ туалетомъ
 Поскорѣ ей проститься,
 Въ платьѣ модно нарядиться
 И на балъ предстать потомъ
 „Въ блескѣ новомъ и живомъ.“
 А четвертая сестрица
 Будетъ также фатъ-дѣвица,
 И теперь уже кокетство
 Занимаетъ малолѣтство.
 А что жъ будетъ, когда свѣтъ
 Скажетъ: „ей шестнадцать лѣтъ.“

Все тихо въ Н..., вечеръ ясный,
 Вотъ растворяется балконъ,
 И лиры голосъ сладострастный,
 Рояля сладкозвучный звонъ

По рынку громко раздается,
 То трелью громкой разольется,
 То тихимъ тономъ замираетъ
 И въ сводахъ зданій исчезаетъ.
 Лишь только смолкнетъ дивный тонъ,
 Выходятъ Нимфы на балконъ,
 Сначала все обозрѣваютъ,
 Порой смѣются и вздыхаютъ,
 И бьются юныя сердца.....
 На зовъ суроваго отца
 Балконъ Сильфиды затворяютъ,
 Прощальный взоръ вокругъ бросаютъ
 И къ ужину за столъ спѣшатъ
 И чинно рядомъ тамъ сидятъ.
 Потомъ съ отцемъ своимъ простясь,
 Смиренно Богу помолясь,
 Въ объятія спѣшатъ къ Морфею
 И предлагаютъ чародѣю
 Свои невинныя мечты
 И прелесть дивной красоты.
 Мѣшая съ былью небилицы,
 Мои прекрасныя дѣвицы,
 Позвольте, попрошу я васъ,
 Летѣть мнѣ съ вами на Парнассъ,
 Въ мои студенческіе годы.....

Въ часы карманной непогоды
Любилъ я страстно милыхъ дѣвъ,
Ихъ гармоническій напѣвъ,
Ихъ взглядъ и быстрый, и живой,
И грудь роскошную порой
Любилъ я страстно цѣловать
И къ груди нѣжно прижимать,
И модной дамы разговоръ
Любилъ на балѣ слушать я,
Но пламенный нерѣдко взоръ
Сжигалъ безжалостно меня....
Но голосъ лиры былъ звучнѣй,
Когда въ тиши дерѣвъ прохладныхъ,
Въ тиши безоблачныхъ ночей,
Среди восторговъ сладострастныхъ
Свисталъ и щелкалъ соловей.
Онъ пѣлъ любовь и упоенье,
И нѣжной страсти наслажденье.
Теперь не то, мои друзья!
Любовью пылкою своей
Ужъ погубилъ здоровье я,
И долженъ съ юностью моей
На цѣлый вѣкъ уже проститься
И въ кельи мирной поселиться,
Да юношей иныхъ учить,
Какъ имъ здоровье сохранить.

ПѢСНЬ II.

Съ боязною тайною моей
Хочу взглянуть я на звѣрей:
Здѣсь Левъ и Тигръ и Мишка мой,
И страшный ревъ и дикій вой.

Вотъ онъ и левъ и Адонисъ,
Поклонникъ ревностный актрисъ
И настоящій джентельменъ,
Любитель страстный Мельпоменъ.
В.. Донъ-Кихоть и франтъ,
Паркетный рыцарь и педантъ,
И денди модный, наконецъ
Гроза чувствительныхъ сердецъ.
Увѣренный что очень милъ,
Приходитъ въ залу денди мой;
Какъ Юлій Цезарь нашъ герой,
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.
Ему и это не бѣда,
Что на главѣ блеститъ звѣзда,
Чело героя украшаетъ
И свѣтлой лысиной сіяетъ.
Съ улыбкой дѣвы замѣчали,
Одна другой о томъ шептали,

Потомъ привыкли наконецъ
Смотрѣть на радужный вѣнецъ.

Теперь во слѣдъ за нашимъ Львомъ
Мы также Тигра воспоемъ....
Въ нашъ меркантильный жалкій вѣкъ
Чего не творить человѣкъ!
Законы міра открываетъ,
Изслѣдуетъ судьбы людей
И дикость ярую звѣрей
Наукой мудрой укрощаетъ.
Но Тигръ, котораго поемъ, —
Ручной и тихій и смиренный,
И носитъ онъ мундиръ военный,
И мишура блеститъ на нёмъ.
Сначала Тигръ по вечерамъ
Не очень тѣшилъ нашихъ дамъ,
Въ скромномъ мѣстѣ засѣдалъ,
Ревнивый взоръ на дѣвъ бросалъ.
Однакожъ скромень, не болтливъ,
Краснорѣчиво-молчаливъ,
Онъ такъ себя искусно велъ,
Что уваженъе пріобрѣлъ
На балѣ дамъ и всѣхъ дѣвицъ,
Чувствительныхъ и нѣжныхъ лицъ.
Но похвала ему и честь,

Что онъ сердца восхитить могъ
 Искусствомъ длинныхъ своихъ ногъ,
 Вѣнецъ паркетный пріобрѣсть
 И общій дамскій приговоръ,
 Что онъ единственный танцоръ.
 Но нынче Тигръ нашъ уже левъ;
 Лепечетъ громко на распѣвъ,
 По лоламъ ходитъ здѣсь и тамъ
 И очаровываетъ дамъ.....

Въ теперѣшней моей бесѣдѣ
 Мы нѣчто скажемъ о медвѣдѣ,
 Но прежде чѣмъ начнемъ тревогу,
 Заглянемъ мы въ его берлогу.
 Между людьми привыкъ онъ жить
 И съ ними ѣсть, и съ ними пить.
 Давно ручной онъ, — не цѣпной,
 И не женатый, — холостой;
 Цѣпь не нужна ему ужъ болѣ,
 И ходитъ онъ себѣ по волѣ.
 Вездѣ бываетъ по домамъ
 И принять въ кругѣ милыхъ дамъ.
 Медвѣдя нашего безъ мѣры
 Терзали злые прежде звѣри,
 И отъ того медвѣдь ручной
 Безсильный, слабый и больной.

Къ тому жъ медвѣдь родился человѣкомъ
И слѣдуя за свѣтомъ и за вѣкомъ,
По человѣчески онъ жизнью рисковалъ,
Пока и хилъ — и слабъ и немощенъ онъ сталъ.
И по медвѣжьему тогда онъ началъ жить,
И наставлятъ дѣтей, да юношей учить.
По утру лишь медвѣдь проснется,
Вдругъ колокольчикъ раздастся,
Крехтитъ онъ, охаетъ, вздыхаетъ,
Медвѣжью шубу надѣваетъ,
Всегда суровымъ и угрюмымъ
Спѣшитъ къ своимъ питомцамъ юнымъ,
Чтобъ ихъ добру понаучить,
Какъ нужно добрымъ въ свѣтѣ жить.
Вотъ Мишенька нерѣдко мой,
Разочарованный герой,
Въ воспоминанье прежнихъ лѣтъ,
Идетъ во фракъ на паркетъ,
А чтобы интереснымъ быть,
Велитъ и волосы завить.
Медвѣдь танцуетъ контраданса
Пускается плясать и вальса,
Не поворотливъ и тяжелъ,
Въ мазуркѣ тащится, какъ волъ.
Бываетъ время, иногда
Играетъ въ обществѣ шута

И корчитъ записнаго франта,
 Сюртукъ надѣвши адъютанта.
 Съ искусствомъ опытнѣйшей няньки
 Попалъ было разъ прямо въ няньки,
 А если далѣй такъ пойдетъ,
 То въ акушерки попадетъ.
 Порою тянется во львы,
 И въ тигры лѣзетъ, но увы! —
 Топорщится, пыхтитъ, потѣетъ,
 А тамъ и стонетъ и болѣетъ,
 И медленно домой тащится,
 И охая въ постель ложится.
 Къ тому же Мишка стихоплетъ,
 Пѣвецъ свирѣпѣйшихъ звѣрей,
 Сатиру пишетъ на людей
 И какъ пѣтухъ притомъ поетъ.

Кому судьбой въ удѣлъ данъ
 Медвѣжій складъ и нравъ и санъ,
 За Львомъ и Тигромъ не гонись,
 Въ берлогѣ мирно поселись,
 Ложись на мягкую канапу,
 Да высысай медвѣжьё лапу,
 И на лисицъ заманчивую кличь
 Лишь по медвѣжьему мурлычь.

ПѢСНЬ Ш. (К. Д.)

Сидитъ семья вся за столомъ,
 И гость знакомый входитъ въ домъ;
 Княгиня разливаетъ чай;
 На ухо матери своей
 Ей дочка шепчетъ: „мама, дай
 Мнѣ хлѣба съ масломъ поскорѣй!“
 Княгиня дочь свою ласкаетъ,
 Ее цѣлуетъ, обнимаетъ.
 „Моя Сашурка!“ тихо скажетъ
 И масломъ булку ей намажетъ,
 Собачку малую любя,
 Она за бороду щипнѣтъ,
 Потомъ прогонитъ отъ себя
 И съ гостемъ разговоръ начнѣтъ
 О томъ, что видѣлъ и гдѣ былъ,
 Что въ модномъ свѣтѣ говорятъ,
 О комъ толкуютъ и твердятъ
 И кто кому не милъ иль милъ.
 У Князя вѣчныя заботы:
 Фельдвебель входитъ и выходитъ,
 Съ собою писаря приводитъ,
 А съ нимъ и новыя хлопоты,

Толкуетъ Князь съ нимъ въ кабинетѣ,
 Сердится, иногда кричитъ,
 И забывая все на свѣтѣ,
 О службѣ Царской говоритъ:
 Что долженъ быть во всемъ порядокъ,
 Во всемъ довольство и достатокъ
 Для всей прислуги и больныхъ,
 Чтобъ облегчить страданье ихъ.
 Среди заботъ о госпиталѣ,
 Княгиня думаетъ о балѣ,
 Какой ей лучше туалетъ,
 Какъ нужно затянуть корсетъ
 Какъ долгогъ будетъ карнавалъ,
 Когда начнется первый балъ
 И какъ теперь en société
 По модѣ носить décolté?
 А между тѣмъ, напившись чаю,
 Княгиня вотъ идетъ къ роялю,
 И голосъ нѣжный и живой
 Звучитъ гармоніей родной,
 И все пріятнѣй, все нѣжнѣй:
 „Ты соловей мой, соловей!“
 А тамъ не много посердась,
 Изъ кабинета входитъ Князь,
 Садится важно на диванъ,

Беретъ онъ въ руки барабанъ,
 Свиститъ, играетъ и поетъ
 И въ барабанъ искусно бьетъ...
 Давно бы Князю ужъ пора
 Служить поближе у Двора,
 Чтобъ тамъ талантъ свой показать,
 Въ Оберъ-Штальмейстеры попасть.

Но вотъ вамъ Кяхтинскій красавицъ,
 Пріятный, ловкій, какъ Китаецъ,
 Какъ настоящій мандаринъ,
 Хотя на немъ и Русскій чинъ.
 Онъ одинокій, какъ монахъ,
 Восточной жизни предавался
 И при тайственныхъ дѣлахъ
 Въ сѣть женскую, какъ звѣрь, попался.
 Его связалъ ярмомъ цѣпей
 Самъ богъ союза, Гименей.
 Послушайте моихъ рѣчей:
 Кто хочетъ звѣрика поймать,
 Такъ долженъ сѣти разставлять.
 Вотъ вамъ послѣдствія сѣтей:
 Его любезная жена
 Сначала мило съ нимъ шутила
 И въ угодность она
 Съ нимъ по Китайски говорила.

Родною рѣчью восторженъ,
Китаецъ былъ полувлюбленъ,
Она жъ шутить не преставала
Съ нимъ Гоголя вдвоемъ читала,
Читала „горе отъ ума“,
Китайца чтеньемъ восхищала
И восхищалася сама.
То о Москвѣ рѣчь заводила,
То проклинала свою скуку,
То часто жала ему руку,
То жизнь столичную хвалила.
Влюбился старый мандаринъ,
И жить не могъ уже одинъ.
И вотъ Китаецъ въ модномъ свѣтѣ
Съ ней неразлучно на паркетѣ,
Твердитъ о прелести Китая,
О сортахъ Кяхтинскаго чая.....
Вотъ музыки раздался хоръ,
Жужжитъ красавицъ въ залѣ рой,
И между будущей четой
Чуть слышенъ нѣжный разговоръ:
„Слыхали, въ свѣтѣ говорятъ
„О насъ, о томъ лишь и твердятъ,
„Что есть ужъ что-то между нами,
„Что я танцую вѣчно съ вами,
„И что, мужчина холостой,

„Вы заняты лишь мной одной.“
 Вспылилъ, какъ звѣрь, нашъ мандаринъ:
 „Совѣтникъ Статскій хотъ мой чинъ,
 „Скажите кто, клянусь, я самъ
 Тому публично въ рожу дамъ.“
 (Имѣй читатель снисхожденье,
 Прости Китайцу выраженье)!
 И крѣпко сжалъ онъ свой кулакъ,
 И былъ смѣшенъ герой-чудакъ,
 Но гнѣвъ свирѣпый отложилъ,
 Онъ тутъ же руку предложилъ,
 И приговоръ судьбы свершился:
 Вотъ какъ Китаецъ нашъ женился.

ПѢСНЬ IV.

Я пѣснь, друзья, спою
 Про прежнюю любовь мою.
 Блестящая моя комета,
 Уже давно сошедшая съ паркета,
 Заѣхала въ моё чувствительное сердце,
 Пустивъ стрѣлу, надушенную перцемъ,
 Съ кокетствомъ настоящей львицы,
 Разочарованной уже дѣвицы,
 Заѣхала, какъ въ постоялый домъ,
 Гдѣ былъ Гомора и Содомъ.

И что жъ тамъ милая нашла?
 Покой безъ оконъ, безъ дверей, совсѣмъ хо-
 лодный,
 Обѣда вовсе не было, а ужинъ былъ голодный.
 Озлилася красавица моя:
 Холодная, голодная съ квартиры вдругъ сошла.
 Но въ чемъ же тутъ виновенъ я?
 Что крови теплой капли во мнѣ нѣтъ,
 Что не ношу мишурныхъ эполетъ,
 Что нѣтъ на мнѣ военного мундира,
 Что я жилецъ не людного ужъ міра,
 Что я, какъ настоящая матрена,
 Теперь уже ни пава, ни ворона,
 Что наконецъ ни черный фракъ мой, ни жилетъ,
 Давно стариннаго покрою,
 Плѣнить не могутъ модный свѣтъ,
 Съ его волшебною красою,
 Что не родился я отъявленнымъ танцоромъ
 И франтомъ записнымъ и моднымъ волтиже-
 ромъ.
 Спокойный совѣстью, я все ей предлагалъ,
 Но пламенной любви ни алкалъ, ни желалъ.
 Но вотъ прекрасная волшебница моя,
 Не внемля голосу любви гнилой натуры,
 Рѣшилась наказать жестокостью меня,
 И приняла въ совѣтъ къ себѣ двѣ дуры,

И говорить одна:
 „Послушай, кумушка, ты отомстить должна,
 „Возьми ты крѣпче его въ руки,
 „И пусть онъ испытаетъ муки.“
 Въ глазахъ моихъ все потемнѣло,
 И шуба съ плечъ тотъ часъ слетѣла.
 Но я скорѣй, схвативши палку,
 Оставивъ шубу тамъ и шапку,
 Какъ Фока отъ ухи безъ памяти домой,
 И съ той поры къ любезной ни ногой.
 О бойтесь, друзья, отцвѣтшихъ дѣвъ;
 Ихъ страшна мечь, ужасенъ гнѣвъ.
 Съ меня примѣръ вы не берите,
 И поздно вечеромъ зимой
 Вы къ старой дѣвѣ не ходите:
 Безъ шубы отъ нея воротитесь домой.

* * *

*

Вотъ вамъ, прекрасный мой читатель
 И первый другъ мой и пріятель,
 Маіоръ въ отставкѣ и вдовецъ
 И юныхъ дѣвъ великій жрецъ,
 Лихимъ корнетомъ онъ служилъ,

Игралъ и какъ гусаръ кутилъ.

Потомъ онъ выгодно женился,

Въ стражъ пограничную вступилъ,

Здѣсь онъ жены своей лишился

И такъ, какъ прежде, закутилъ.

Но вотъ раздался громъ войны,

И всѣ отечества сыны

Летятъ орломъ въ кровавый бой;

Но пограничный нашъ герой,

Забывъ гусарскую отвагу,

Вложилъ въ рожны свою онъ шпагу.

„Теперь я мирной уже житель,

„Да пола нѣжнаго любитель!“

При этомъ закрутилъ онъ усъ

И молвилъ тихо про себя:

„Хоть и теперь еще не трусь,

„Но обойдутся безъ меня.“

И вотъ въ отставку вышелъ онъ,

Нашъ распрекрасный Н.....

И въ свѣтѣ Л..... большемъ

Слыветъ онъ моднымъ женихомъ.

Его изящный туалетъ

На нёмъ изысканно сидитъ,

Всегда онъ веселъ, какъ корнетъ;

Хоть сорокъ съ слишкомъ ему лѣтъ,

Но онъ на дѣвущскъ глядитъ

Невиннымъ юношей порой,
 И мыслить часто объ одной.....

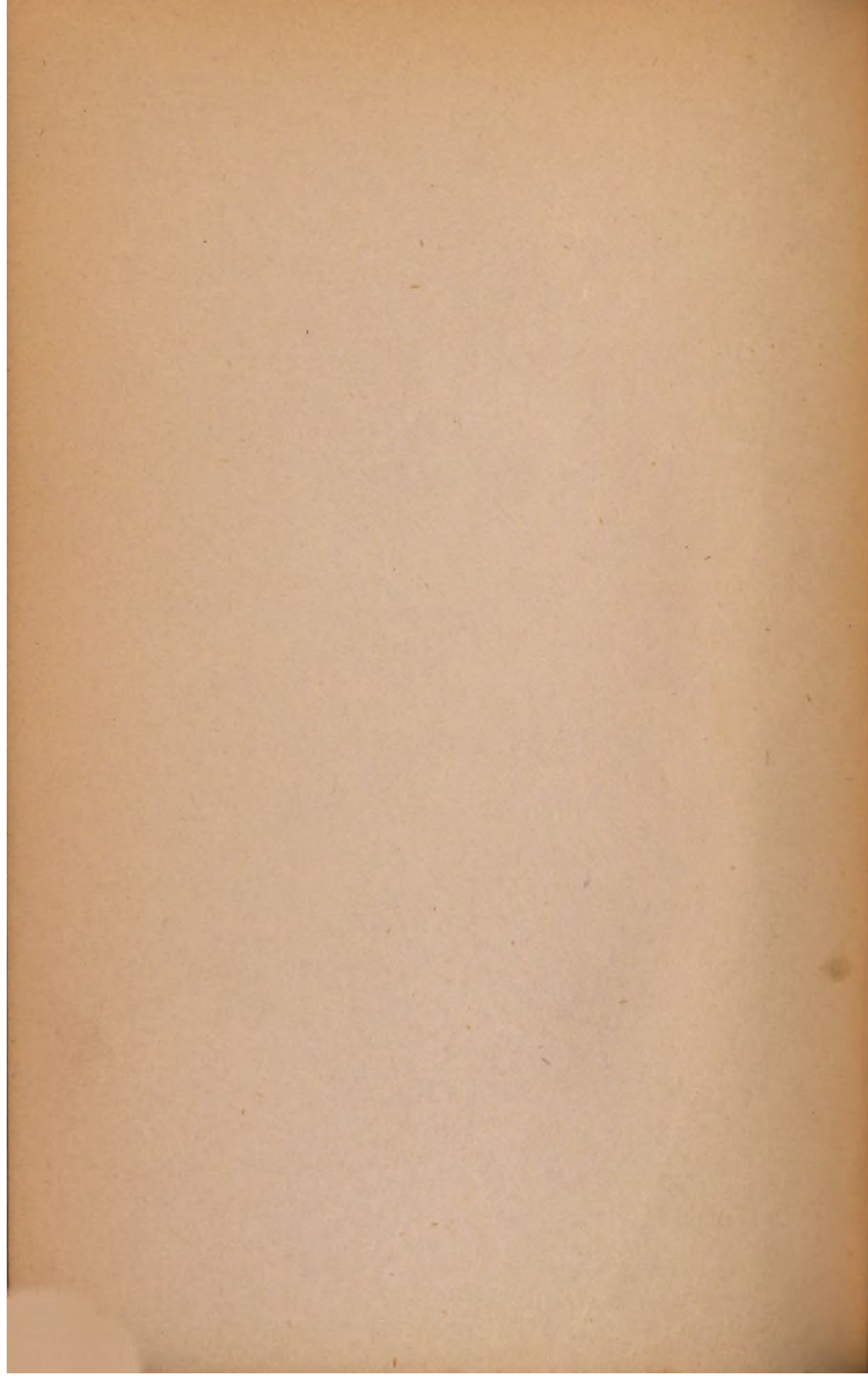
 По модѣ щеголемъ одѣтъ
 Гусарскій бывшій нашъ корнетъ,
 Идетъ въ столовую къ обѣду
 И начинаетъ тамъ бесѣду
 Съ любимой братневою женой,
 О скукѣ жизни холостой.
 Нерѣдко оставной маіоръ
 Заводитъ и серьезный споръ :
 Сердится, мечется, кричитъ
 И въ комнату свою бѣжитъ,
 Но вскорѣ гнѣвъ свой укрощаетъ,
 Лишь о Сильфидѣ возмечтаетъ.
 Тогда маіоръ нашъ отставной,
 Съ отвагой пылкой и живой,
 Летитъ на вечеръ танцевальный.
 Вотъ входитъ въ залъ нашъ рыцарь бальный,
 Свой поправляя туалетъ.
 Онъ видитъ здѣсь весь модный свѣтъ,
 Къ знакомымъ дамамъ онъ подходитъ
 Держа въ рукѣ букетъ цвѣтовъ,
 И нѣжный разговоръ заводитъ,
 Одинъ изъ модныхъ жениховъ.....

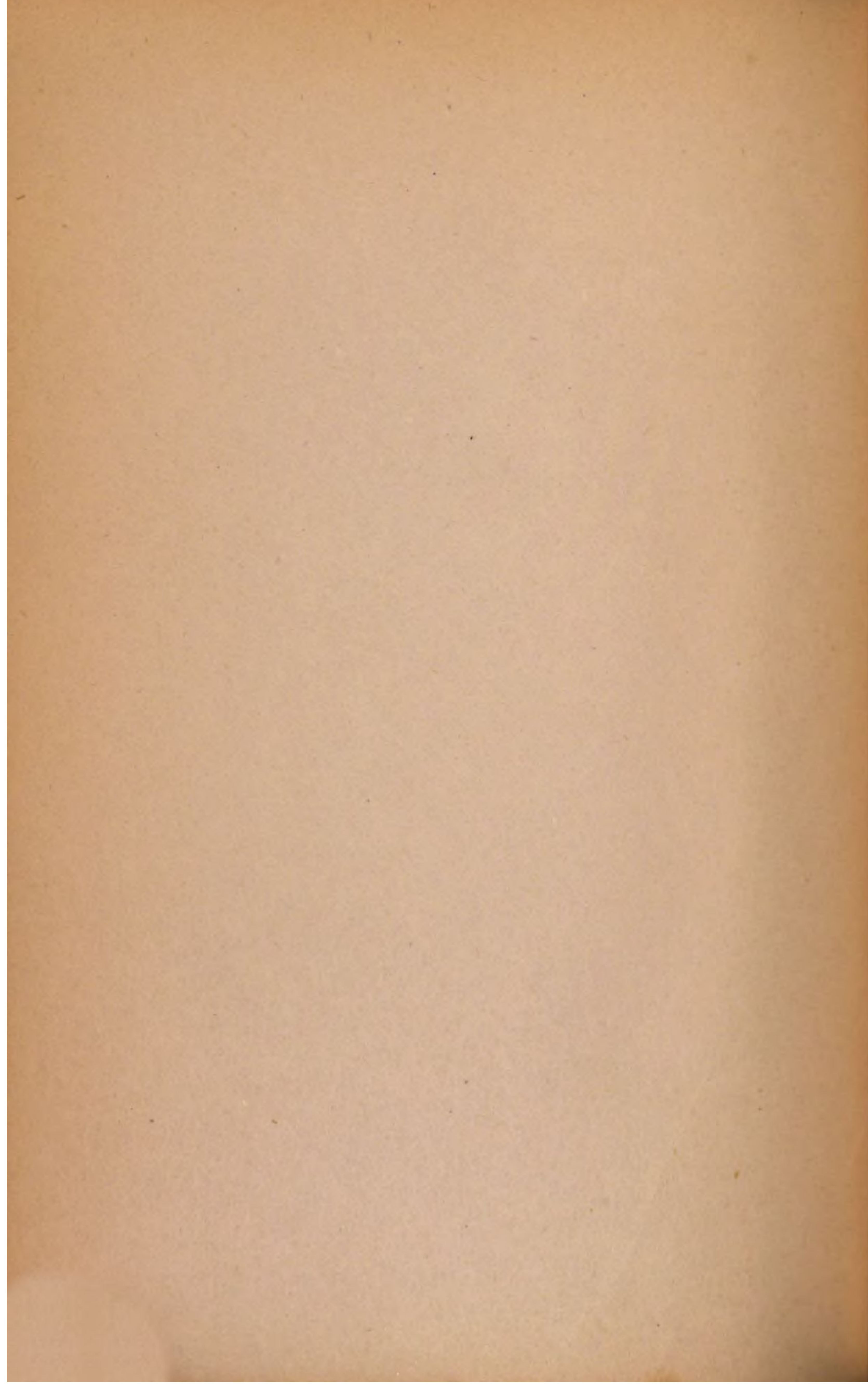
Но звукъ оркестра раздается,
 И витязь въ вальсѣ ужъ несется;
 Летитъ онъ съ легкостью Амура
 И сдѣлавши одинъ, два тура,
 Сильфиду нѣжно онъ сажаетъ
 И потъ платкомъ съ чела стираетъ.
 Потомъ нашъ нѣжный Купидонъ
 Красой Психеи пораженъ,
 Легокъ, воздушенъ, какъ зефиръ,
 Опять летитъ въ волшебный міръ,
 „Благодарю Васъ“ говоритъ,
 И въ преферансъ за столъ спѣшитъ.

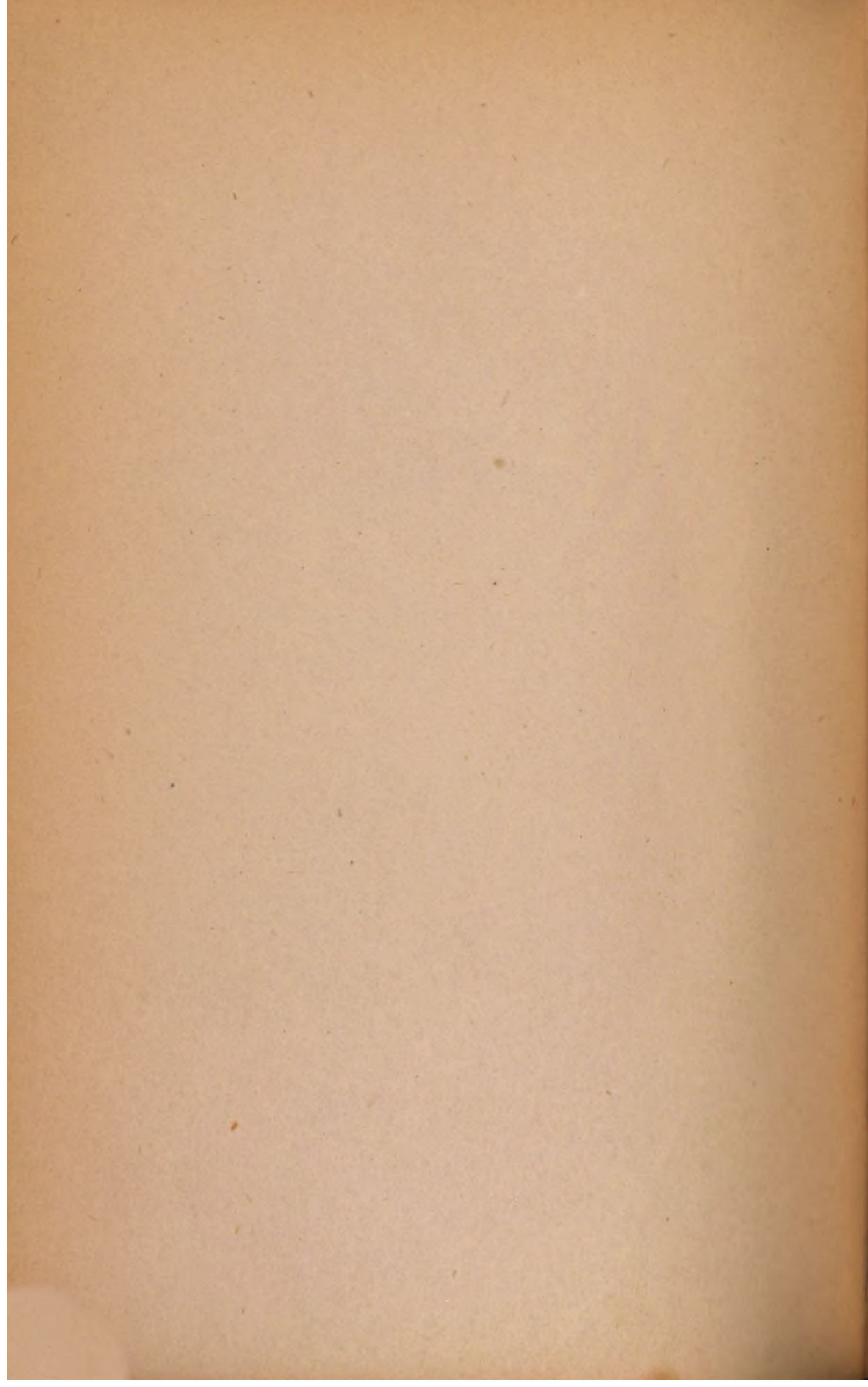
К О Н Е Ц Ъ .

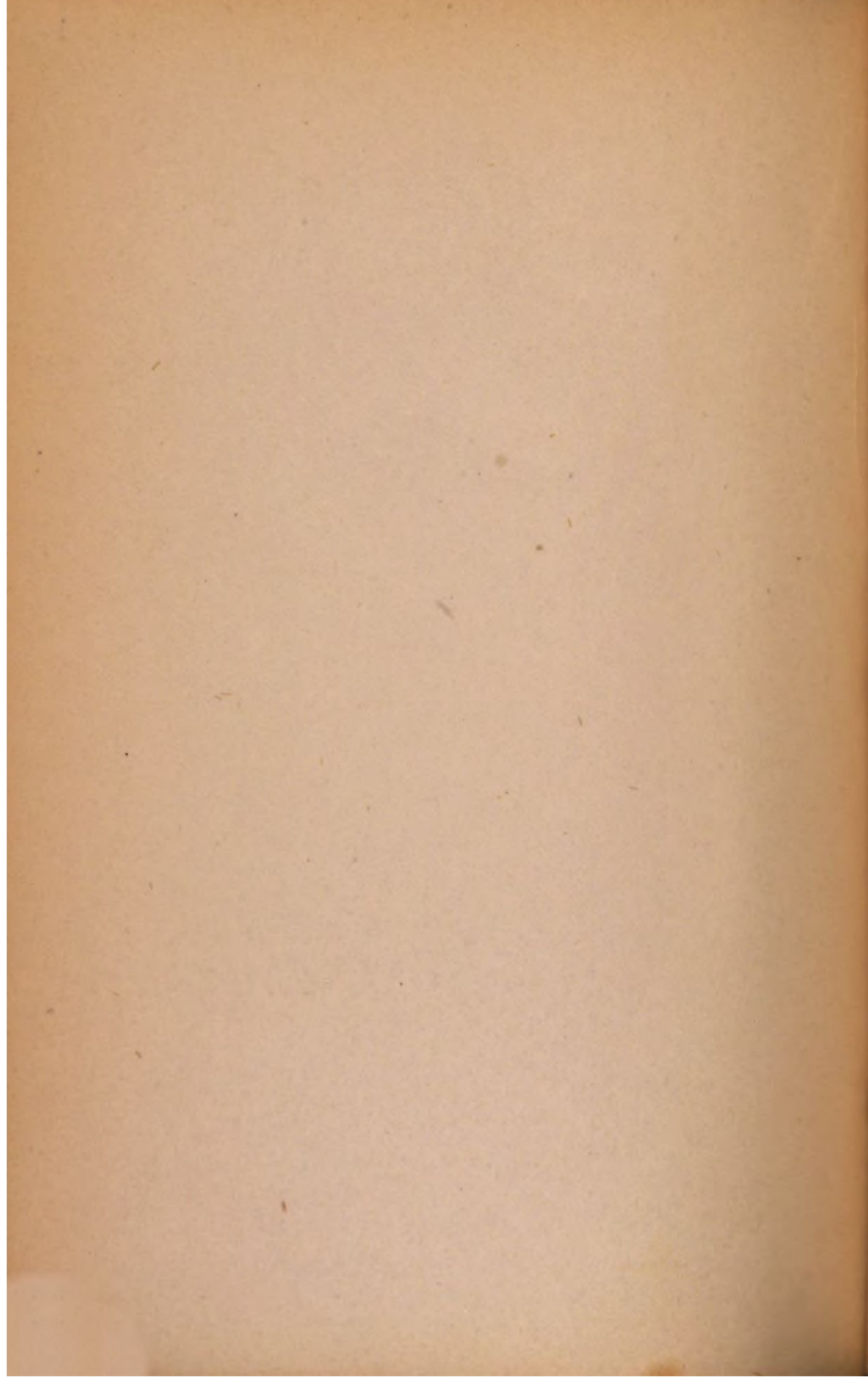
НАУМБУРГЪ,
 въ типографіи Г. Петца.

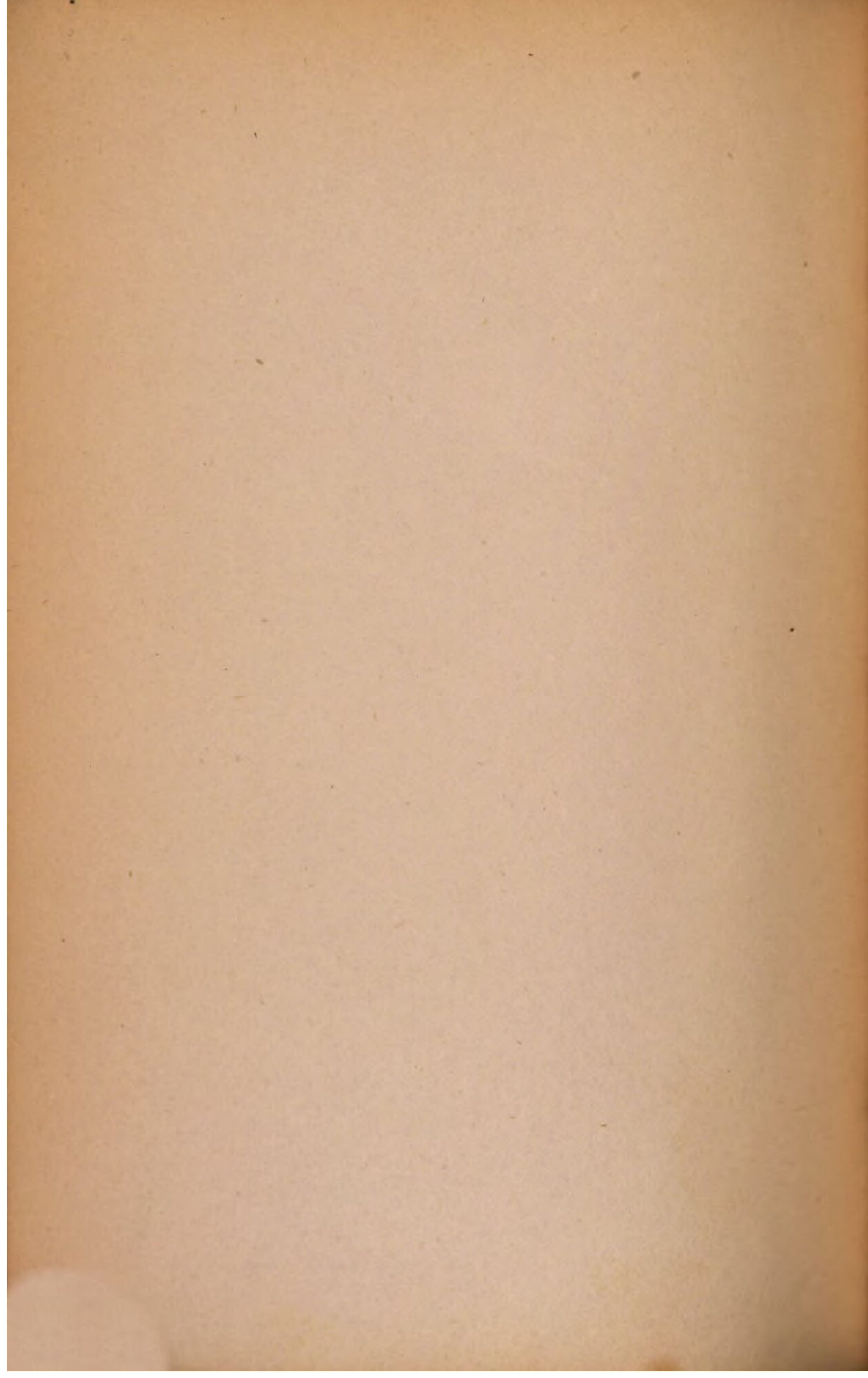
NAUMBURG,
 Druck von G. Patz.

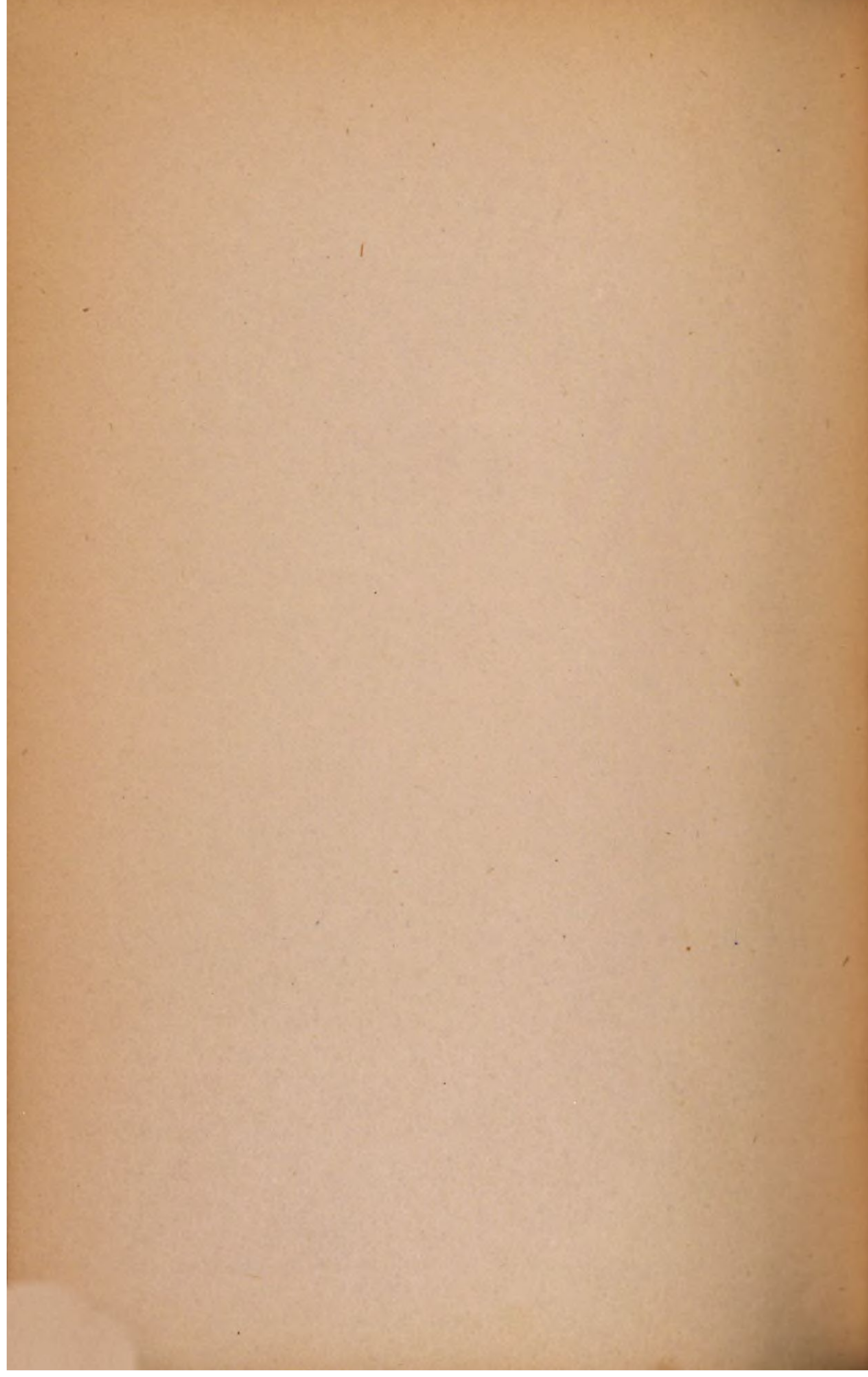

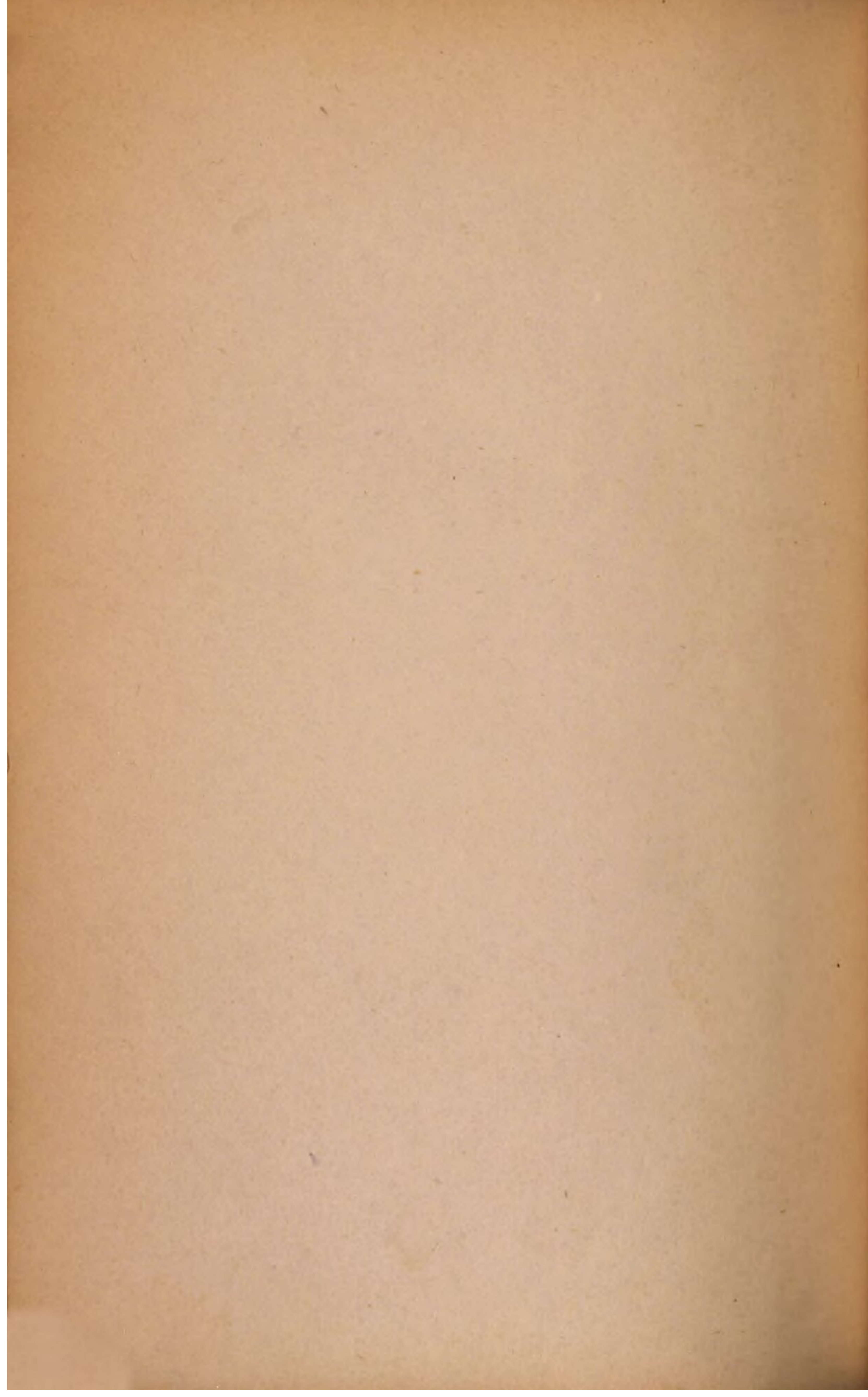

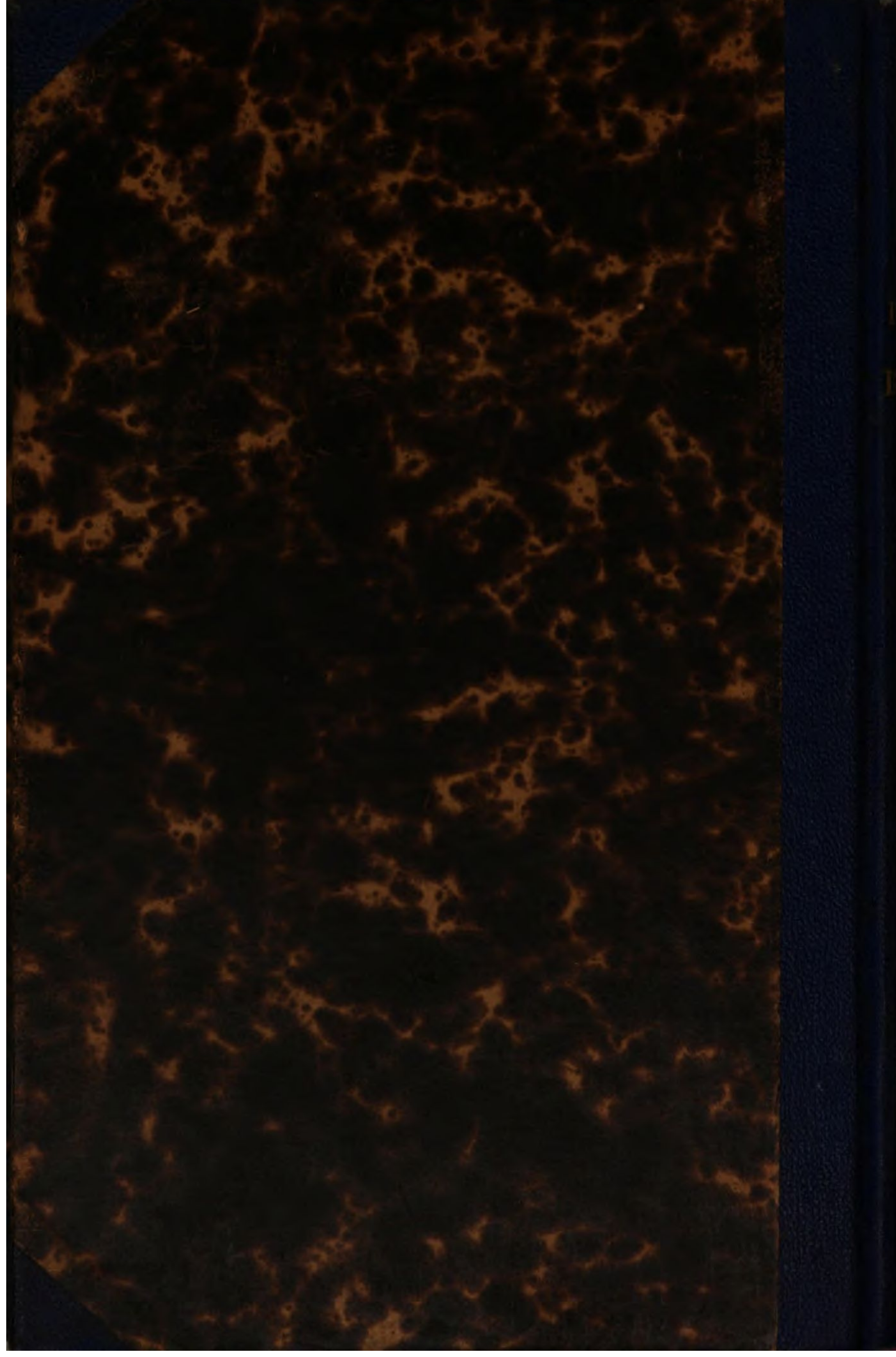

Stichi Sp ago i P. P = Gedichte von Sp i und P. P

Leipzig 1860

P.o.rel. 2910-11

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036195-9